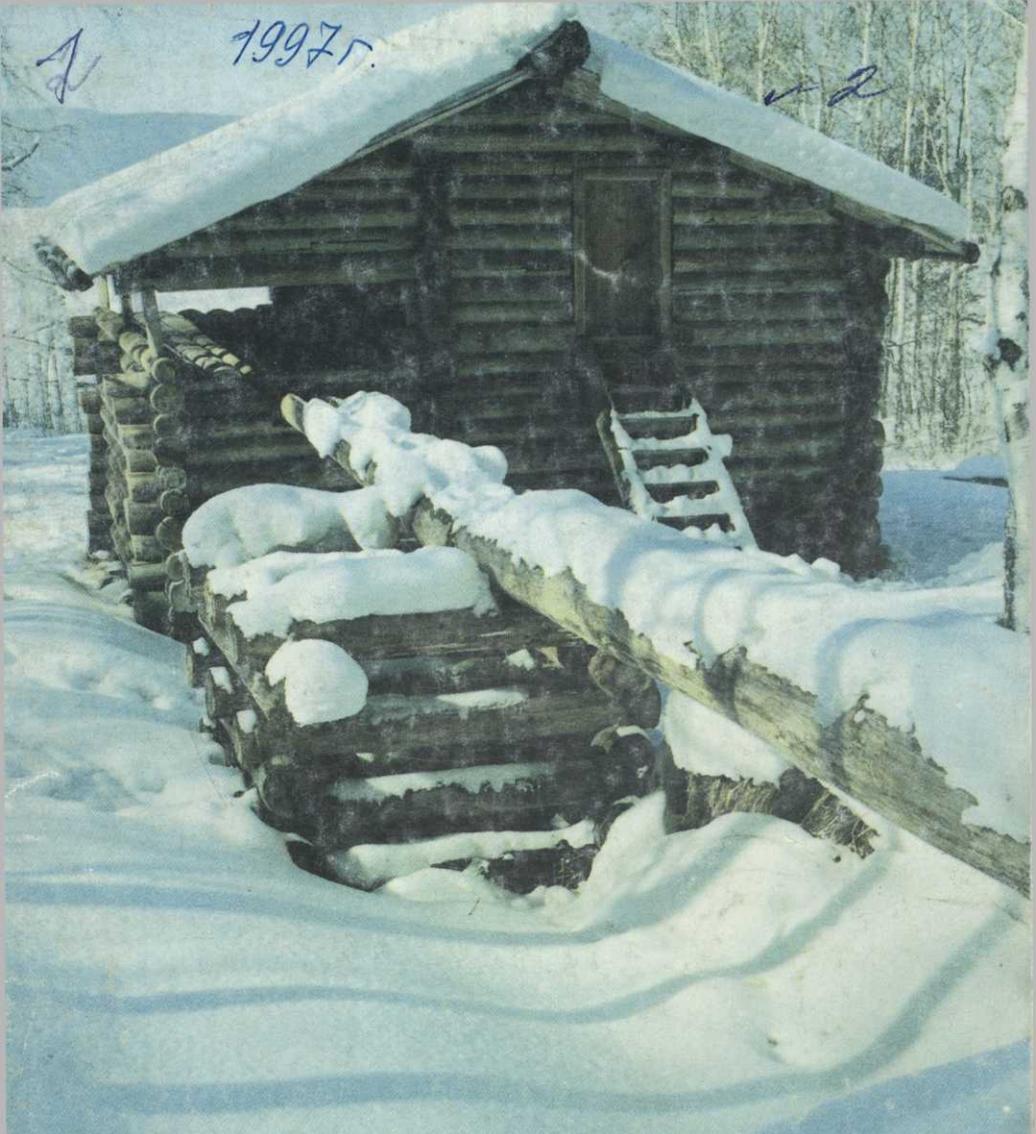

1997г.

2

2

Тальцы

1997

СРК/ИИ

ТАЛЫЦЫ

Тальцы • 1(2) • 97

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

•АРХИТЕКТУРА •ЭТНОГРАФИЯ• ИСТОРИЯ•
•ТОПОНИМИКА •ФИЛОЛОГИЯ•

СОДЕРЖАНИЕ:

ЭТНОГРАФИЯ

А.К.Нефедьева. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX-начало XXвв.)	3
К.А.Пономаренко. "Перемелется - мука будет"	10
А.П.Русановский. Не все мелется	15

ФИЛОЛОГИЯ

Сибирские названия мельниц	18
----------------------------------	----

ИСТОРИЯ

Ю.С.Душкин. Церкви Тельмы	20
В.И.Тарасов. Эволюция военного костюма иркутских казаков	24

У НАС В ГОСТЯХ

Л.А.Шевгенина, В.М.Семенов. Ангарская деревня	33
---	----

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Федеральный закон "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации"	40
---	----

ХРОНИКА

.....	45
-------	----

НОВЫЕ КНИГИ

.....	47
-------	----

НАША ИСТОРИЯ И ЖИЗНЬ

В.В.Тихонов. Архитектурно-этнографический музей "Тальцы"-история, современное состояние и задачи на будущее	48
---	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

С.Т.Аксаков. Детские годы Багрова-внука	53
А.Н.Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу	54
С.В.Максимов. Куль хлеба и его похождения	55

КУНСТКАМЕРА

.....	57
-------	----

НА ДОСУГЕ

Этнографические головоломки	58
-----------------------------------	----

НАША АНКЕТА

.....	59
-------	----

Государственное бюджетное учреждение культуры
Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека

ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНО-ПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Учредитель: Архитектурно-этнографический музей "Тальцы"
664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2

Языки издания: русский, бурятский, эвенкийский, английский

Редакционная коллегия: Р.В. Агапитова, О.А. Акулич,
С. А. Гурулев (секретарь), Е.Г. Етобаева, А.К. Нефедьева,
В. В. Тихонов (главный редактор)

Ответственный редактор номера: С.А. Гурулев

Консультант по английскому языку: В.И. Федин

Компьютерный набор: Т.В. Михайлова, С.А. Гурулев

Корректоры: М.В. Кивокурцева, Т.В. Михайлова

Свидетельство о регистрации N И-0236 от 21 декабря 1995 г. выдано
Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации

© Перепечатка с разрешения редакции

На 1 и 4 стр. обложки — мельница в музее "Тальцы" и ее интерьер
(фото В.В. Короткоручко), на 2 — Спасо-Зашиверская церковь (1700 г.,
реконструкция, музей "Дружба", Якутия), на 3 — костюм казака (1910
г., худ. В. И. Тарасов).

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2, тел. 33-47-05

Сдано в набор 02.04.97 г. Подписано к печати 28.04.97 г. Формат 60x84
1/16. Усл.печ.л.4. Тираж 1000. Цена свободная.

Отпечатано в ПЦ ОАО "ЦК ВСФПГ"
г. Иркутск, ул. Розы Люксембург, 184, тел. 45-09-95

1007

Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX - начало XX вв.)

*Александра Карловна Нефедьева,
заведующая отделом фондов музея «Тальцы»,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации, историк*

Строительство мельниц в Иркутской губернии началось в 17 веке, после заселения края русским крестьянством, основным занятием которого стало хлебопашество. Мельницы были двух типов: мутовчатые и колесные. Колесные подразделялись на подливные и наливные.

Мутовчатые мельницы в конце 19 — начале 20 вв. были широко распространены в Среднем Приангарье и представляли из себя сруб из бревен, в котором поставы (внутреннее оборудование) занимали половину помещения. Основу постава составляло бревно—стойак (веретено), укрепленное в вертикальном положении. Нижний конец бревна находился под полом в воде и свободно крепился в массивном камне, или в листовичном бревне с выдолбленной чашей. Не касаясь воды, к стойaku крепились перья (деревянные лопаточки), в которые била вода, пущенная по желобам. По внешнему виду нижняя часть бревна с перьями напоминала мутовку для сбивания сливочного масла. Отсюда и название мельницы — мутовчатая. Верхняя же часть бревна выступала над полом, проходила через широкую массивную лавку, на которой устанавливались жернова. Нижний (ленивец) был неподвижен, верхний (бегунок) крепился на конце бревна и вместе с ним при ударе воды в перья вращался. Над жерновами устанавливался большой дощатый коробжитник конусообразной формы для засыпки зерна, которое попадало в него через квадратный сыпец (деревянную трубку). Поступление зерна регулировалось задвижкой. Под житником на сыромятных ремнях подвешивалось небольшое корытце в виде совка. Из житника зерно попадало в это корытце, а оттуда равномерной струйкой ссыпалось в сквозное отверстие верхнего жернова и размалывалось. Равномерность поступления зерна из корытца в жернов обеспечивалась палкой-коником, которая одним концом крепилась рядом с корытцем к житнику, а другой ее конец был свободно опущен на жернов. При вращении жернова палка приходила в движение, равномерно поталкивала корытце.

На внутренних рабочих сторонах обоих жерновов вырубались насечки. Для мелкого помола их делали мелкими и частыми, для крупного — гораздо реже и глубже. Благодаря широкому распространению камня — песчаника, по всей территории Иркутской губернии жернова изготавливали на местах. Так, например, для первых двух мельниц, поставленных в 17 в. у Иркутска, плиты из песчаников для жерновов брали в Кайской горе. Процесс изготовления жерновов был довольно трудным делом и требовал определенных навыков и сноровки. Обычно готовили их зимой.

Находили подходящий плитняк и старались разделить его на плиты, соответствующие размерам жернова. Для этого место предполагаемой трещины закладывали дровами, которые поджигали, и остальную часть засыпали землей или обкладывали мокрыми ветками. От резкого перепада температуры каменная плита давала трещину. Углы и выступы с плитняка убирала узким тяжелым топором-насеком. Дыра по центру прорубалась кайлом четырехгранной формы с прямой ручкой.

Качество песчаника, употребляемого на жернова, не было одинаковым. Лучшим считался тот, при ударе по которому железом высекались искры, то есть кремневый песчаник. В тех местах, где его находили, возникал, как правило, промысел, по изготовлению жерновов. В Иркутской губернии такие промыслы были в селах Лузгиновском, Янгутском Балаганского уезда.

Мельник, стремясь увеличить доходы со своего предприятия, приобретал качественный жернов, идя на дополнительные расходы, хороший жернов обеспечивал качественный помол зерна, и мужики на такую мельницу приезжали молотить зерно из отдаленных деревень. Так, по рассказу В.Г. Демина из Култука (село на Байкале), мужики, игнорируя местную мельницу, везли зерно на отдаленную, стоявшую на реке Быстрой в 30 км. Насколько был важен хороший жернов для мельника, свидетельствует тот факт, что уже изработавшийся, сильно истонченный жернов не выбрасывали, а крепили к другому, новому, дополнительно опоясов его железом, иначе при работе жернов мог разлететься на куски и причинить вред находящимся здесь людям — убить, искалечить.

При интенсивной работе мельницы жернова изнашивались довольно быстро. Насечки, нанесенные на жернова, необходимо было рубить заново каждый месяц. Поэтому на мельнице рядом с жерновами устраивался подъемник, который состоял из ворота и ухватов — железных пластин для зажима жернова. Нанесение насечек на жернов получило особое название — ковать жернова. Коваль жернова обычно сам мельник.

Жернова, чтобы мука не разлеталась в стороны, закрывались каркасом так, чтобы между ним и жерновами оставалось пространство, канавка. Каркас имел свое название — обечайка. Она могла изготавливаться из досок, бересты, кожи. С лицевой стороны ее, по центру, оставлялось отверстие — леток, через которое мука ссыпалась в мешок или ларь. К отверстию обечайки подводилось железное кольцо, подвешенное при помощи веревок с крюками к потолочной балке, проходившей над ларем. Мешок ставили в ларь, одевали на кольцо и закрепляли зажимами. По мере наполнения мешка мука уплотнялась толкушкой.

Мельницы-мутовки были широко распространены. Одно село могло иметь их от трех до пяти, что позволяло крестьянам, несмотря на низкую производительность мельниц, перемалывать зерна до двухсот пудов, в полной мере обеспечивая свои потребности в муке.

Промышленное производство зерна в среднем Приангарье из-за климатических условий не было характерным. Выращивание зерна только для удовлетворения потребностей своего хозяйства являлось сдерживающим фактором в переводе мукомольного промысла на более производительную основу. Иначе обстояло дело, например, в Иркутском районе, в котором в начале 20 в. появились крупные мукомольные предприятия. Мельницы-мутовки устраивали крестьян легкостью их сооружения: малые габариты, дешевизна материала, сравнительно простое устройство. Две-три крестьянские семьи, объединившись, без особого напряжения могли справиться с этой работой. За мельницами-мутовками меньше требовалось ухода.

было оставить на рабочем ходу без присмотра. Устанавливались мельницы-мутовки на небольших речках. Мельницы, поставленные на замерзающих зимой речках, работали только весной и летом, так как ручьи промерзали до дна. Мельницы-мутовки могли принадлежать нескольким семьям, объединенным родством, дружбой, соседством, реже общине или одному хозяину. Работы по ремонту проводились в зависимости от владения.

*Мельница на р. Куде, Иркутская губерния
фото начала XX века*

Колесные мельницы представляли собой более сложное архитектурное и техническое сооружение и делились на подливные и наливные. Подливные мельницы устанавливались на горных, очень быстрых речках без плотины. Для защиты мельничного сруба, частью стоящего на сваях в воде, и для усиления речного потока перед мельницей, метрах в десяти, устраивали дамбу. Иногда, чтобы еще более усилить силу потока, дамбу строили и с другой стороны, оставляя свободной незначительную часть реки. Напор воды на мельничное колесо значительно усиливался. Вода ударяла в лопасти так называемого сырного колеса диаметром до 3 метров и вращала его вместе с осью, на которую оно было неподвижно одето. Ось занимала к воде горизонтальное положение. На другом конце оси крепилось, также неподвижно, другое, сухое колесо, с боку которого равномерно выступали шипы-кулачки. Диаметр сухого колеса равнялся 1,5 метрам. Рядом с колесом, чтобы шипы могли зацепиться, устанавливалась шестеренка небольших размеров, одетая на железный штырь. На штыре, как и на мутовчатой мельнице, крепились жернова. Но нижний жернов, благодаря специальному устройству, можно было слегка поднимать или опускать в зависимости от того, какой помол был нужен. Таким образом, качество муки регулировалось не только насечками на жерновах, но и зазором, существующим между

ними. В регулировке жерновов требовался определенный опыт. Слишком малый зазор между жерновами мог привести к сгоранию муки.

Наливными колесными мельницами назывались те, на лопасти колеса которых вода, поступающая по желобам, падала сверху и приводила колесо в движение. Из рассматриваемых нами мельниц, бытовавших в Ангаро-Илимском крае, наливные мельницы считались самыми продуктивными и могли переработать до пяти тысяч пудов зерна в год. Мельницы такого типа устраивались только с плотиной. Плотину ставили, как правило, на прижимах, то есть там, где река сжималась крутыми берегами. Преимущество такого постава очевидно. Уменьшалась длина плотины. Уровень воды поднимался без значительного разлива по местности. Плотина состояла из ряжей, колодцы которых забивались камнем, галькой, песком, землей. Ширина ряжа равнялась ширине проезжей тележной дороги, потому плотина часто выполняла и роль моста. В плотине, по центру, устраивали отверстие, к которому подводили поток, текущий на мельничное колесо. Если мельница не работала, отверстие закрывалось заслонкой. Часто для регулировки уровня воды в плотине делали еще одно отверстие, через которое спускали лишние воды. В других случаях излишки воды шли прямо поверх плотины, образуя невысокий водопад, отчего шум на мельнице, всегда присутствующий от мельничного колеса, еще более усиливался.

Мельницы ставились в десяти-пятнадцати метрах от плотины. Это делалось для уменьшения протяженности желобов. Желоба готовились по-разному. В одном случае из толстого листовенничного полубревна, в котором выбиралась сердцевина, в другом — из плах, плотно пригнанных друг к другу, к которым по бокам прибивали такие же плахи. В результате желоб выглядел огромным корытом без поперечных перекладин. Ширина потока равнялась ширине мельничного колеса. Для того, чтобы вода зимой не замерзала, над желобами ставился кожух-тепляк, напоминающий амбар. Потолок его утеплялся землей. Из жилого помещения мельницы тепло от чугунной печи подавалось в кожух по специально пропущенным трубам. Это предохраняло воду от замерзания.

Часто там, где напор воды был большим, ставили сразу несколько мельничных сооружений — каскад. Примером такого устройства являются мельницы, реставрированные в архитектурно-этнографическом музее “Тальцы”. Мельницы наливные, вывезены из села Владимировка Братского района. Одна принадлежала селу Владимировка, две другие — соседним селам. На таких мельницах зимой помол велся практически непрерывно. Мельницы вывезены экспедицией, организованной автором проекта архитектурно-этнографического музея, архитектором Г.Г. Оранской.

Мельницы относились к типу наливных, были в хорошем состоянии, стояли на косогоре с большим перепадом рельефа, питаясь водой из маленькой речушки, почти ручья. Речушка выше первой мельницы перекрывалась плотиной. Мельницы были поставлены так, что отработанная вода с первой мельницы по желобам попадала на вторую, а затем на третью. На территории музея, чтобы восстановить работу мельниц по тому же принципу, был выбран участок примерно с таким же крутым рельефом. Искусственно были устроены водосборник с плотиной и русло речки. Внешне все три мельницы выглядят одинаково. Двухэтажное здание с двумя наружными дверями — на втором и первом этажах. К дверям второго этажа приставлена удобная пологая массивная лестница, по которой крестьяне заносили зерно, предназначенное для помола, на второй этаж. Зерно засыпалось в житник. Нижний этаж внутри делится двумя капитальными стенами на три помещения разного назначе-

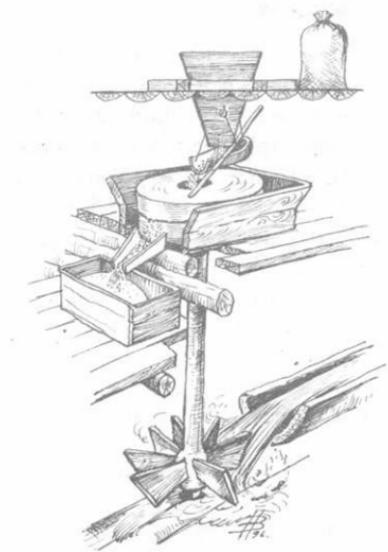
ния. Сразу при входе в мельницу стоит постав. Здесь на жерновах перемалывается зерно. Жернова выполнены из гранита (на практике это было большой редкостью). На полу рядом с жерновами установлен ларь, в котором находится мешок для сбора муки, подвешенный к летку. На стенках висят крючки-зажимы для крепления мешка, кольца, безмен, фонарь, веревочки. В этом же помещении находятся и другие необходимые помольщику вещи. Из мукомольного отделения через массивную плотную дверь можно попасть в жилое помещение, предназначенное для отдыха, приготовления пищи и ночлега помольщиков. Обстановка помещения весьма скромна. Нары, покрытые потником, грубо сколоченный из досок стол, скамейка, на полке — утварь для приготовления и хранения пищи: горшки, тuesa, хлебница. В дальнем углу стоит чугунная печь, жестяная труба которой через проделанное в стене отверстие выходит в сырное отделение. Туда же ведет и дверь, прорубленная в этой же стене. Сырное отделение освещается небольшим окном, устроенным на противоположной стене от двери. Оно не имеет пола и стоит непосредственно на ручье. Все его пространство занимает сырное колесо, на которое падает вода. Внизу в ручье вода снова попадает в желоб, чтобы вертеть колесо второй, а затем и третьей мельницы.

Мельницы музея могут дать посетителям полное представление о принципе их работы, а также их внутреннем оборудовании и убранстве.

Кроме общинных мельниц, каковыми в свое время были мельницы музея “Тальцы”, существовали в селах мельницы частные. По информации Н.С. Стрелец (село Хомутово), мельнику за помол платили совок муки с мешка, и назывался этот сбор гарнцевым. Другой информатор — В.Г. Демин — указывает, что на их мельнице (село Култук) мельнику платили деньгами, как ему помнится, рубль за весь помол.

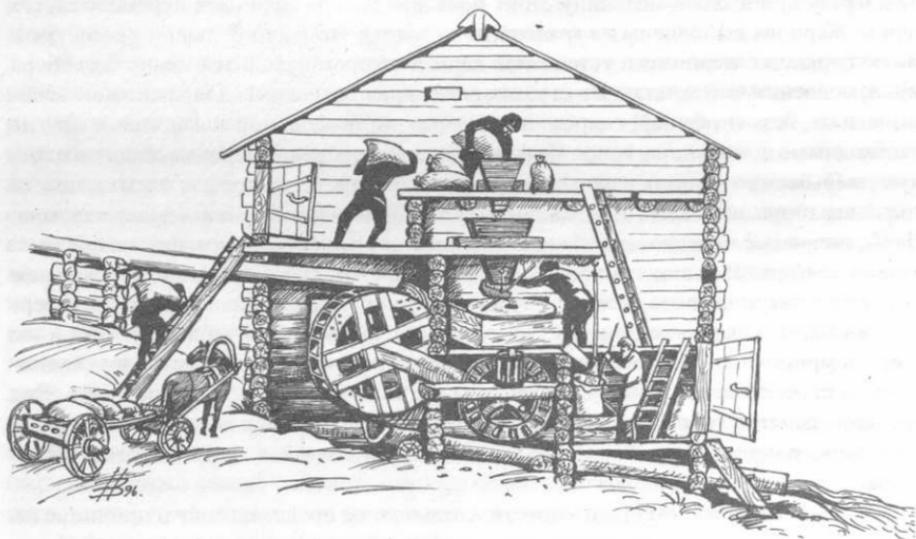
По данным Л.Н. Сабуровой, кроме описанных мельниц, в Приангарье устанавливались еще мельницы-ледянки. Ставили их на льду и использовали в зимнее время, весной убирали. Для постройки такой мельницы “реку спирали плотиной”, делали в плотине окно, через которое вода била в перья колеса, приводя его в движение.

Первый помол нового урожая совершался по первому снегу, как только устанавливалась

*Мельница-мutoвка
рис. художника В.Е. Нефедьева*

санная дорога. Зерно перед помолом сушили в овинах, ригах, а затем досушивали дома на русской печи и везли на помол. Обычно ехали молоть зерно сразу несколько мужиков из разных семей. Помол шел медленно. Для того, чтобы смолоть пять-шесть мешков зерна, требовалось затратить полдня. Приехавшие устанавливали очередь. Свободные от помола мужики отдыхали в жилом помещении, готовили пищу, чай.

*Общее устройство наливной мельницы
рис. художника В.Е. Нефедьева*

Мельничный промысел был широко распространен в крестьянской среде. По В.П. Шахерову, в первой четверти 20 в. на одно селение Иркутской губернии приходилось в среднем 1,3 мельницы. Общее количество мельниц в губернии достигало 2132. В хлебодородных районах губернии — Балаганском, Иркутском и в селениях, расположенных по линии железной дороги, — строились мельницы высокой по тем временам производительности, способные перерабатывать до десяти тысяч пудов зерна в год. Появились крупчатые мельницы, на которых могли получать муку высшего сорта. Мельницы-крупчатки принадлежали купцам, предпринимателям, разбогатевшим крестьянам. Взаимоотношения владельцев этих мельниц с сельским обществом основывались на договорах. Так, по сообщению А.Е. Кулакова и И.А. Молодых, четыре мельницы, стоящие на реке Балеи, принадлежали не сельчанам, а посторонним лицам. Мельницы были крупчатые, производительностью до шестидесяти тысяч пудов зерна в год. За аренду земли, принадлежавшей Усть-Балейскому крестьянскому обществу, владельцы мельниц платили за крестьян все годовые пошрины, которыми облагало крестьян государство. Количество земли, арендуемой под мельницы, было невелико и не могло повлиять на благосостояние общества. Кроме того, при работе мельниц зимой у крестьян появилась возможность подрабатывать на перевозе муки в Иркутск.

В Ангаро-Илимском крае крупных мельниц было мало. По сообщению В.Н. Шерстобова, в конце 18 в. они составляли лишь одну пятую часть от всех существующих мельниц. Они принадлежали монастырям, попам и купечеству. Основу мукомольного промысла в крае составляли (до 4\5) мельницы-мутовки. В конце 19 — начале 20 вв. положение практически не изменилось, так как край по-прежнему остался по производству хлеба самообеспечивающимся, на продажу зерно не производилось. Поэтому мельницы-мутовки по-прежнему предпочитались крестьянами. Это положение подтверждает и Л.Н. Сабурова. Таким образом, мельничный промысел в Среднем Приангарье можно отнести к разряду домашних промыслов.

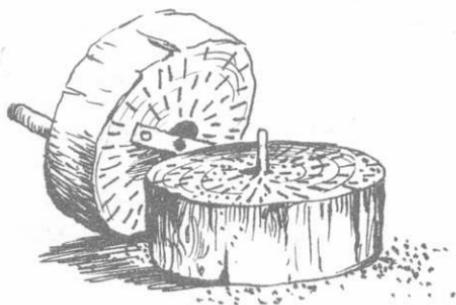
Литература

- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Том 2. М., 1994.
Быт и искусство русского населения Приангарья. Часть 1. Новосибирск: Наука, 1971.
- Козьмин Н.Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? Иркутск, 1904.
- Кулаков А.Е., Молодых И.А. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. Спб., 1896.
- Максимов С.В. Куль хлеба. Л., 1987.
- Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993.
- Сабурова Л.Н. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967.
- Шахеров В.П. Торгово-промышленное освоение Юго-Восточной Сибири в конце XVIII — первой трети XIX века. Иркутск, 1981.

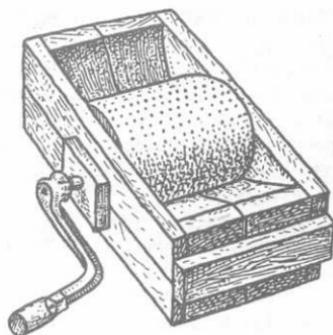
Annotation

A. K. Nefedieva. Flour milling in the Middle Near Baikal Region (end of XIX - beginning of the XX Century), Taltzy, vol. 1., 1997.

The construction of flour mills in the Near Baikal Region began in the 17th century at the same time when the first russian peasants came from European Russia to Siberia and started tilling the land. The first mills in Siberia were of two types: so called "mutovchaty" and wheel type mills. The wheel type formed two groups of mills: overflow and inflow types. The cereals were ground by grind stones made of local sandstones. The lower grind stone was fixed (lazy stone), the upper one was revolving. Water was used as a source of energy. To set up a mill a dam had to be built across the river and the pond was filled nearby. Sometimes there would be a few mills built across the river in cascades. Wooden groves would bring water from one mill to the other. Taltzy museum houses a cascade of three mills moved from Bratsk area. Flour milling in the Middle near Baikal Region could be referred to as a household occupation.

*Ручная мельница (Приангарье)
Рис.художника В.Е. Нефедьева*

*Рушалка (Приам.)
(см. стр. 18-19)*

“Перемелется — мука будет”*

*Константин Алексеевич Пономаренко,
генеральный директор
Иркутского комбината хлебопродуктов*

В старину считалось: чем больше в местности мельниц, тем она богаче. Хлеб был основным продуктом питания. Больше хлеба — сытнее, вольготнее жизнь.

Первые мельницы в Сибири были небольшими. Главным рабочим органом их являлись жернова. В качестве привода использовалась энергия воды, ветра или конная тяга. В народе еще сохранилась память о таких мельницах.

Так и в Иркутске и его ближайших окрестностях. Как только был поставлен острог, вокруг него стали селиться крестьяне. А где крестьянин, там и мельница. К 1673г. в окрестностях Иркутска стояла одна государева мельница, на Кае, ибо именно за этот год в “заручных книгах” Иркутского острога упоминается о строительстве возле мельницы амбара: “Построен вновь у государевы мельницы под даурские хлебные запасы житенный амбар. Дано беломестному казаку Васке Бахаре да гулящему Митке Архипову с товарищи по договору 7 руб. с полтиною денег”. Здесь же указывается мельник на мельнице: “Дано денежного жалованья государевы иркуцкой мельницы мельнику Карпушке Герасимову на 181г.(1673г. — К.П.) 5 руб.”. Покупались на мельницу и дрова, а в следующем, 1674г., — смола, а также “наймованы промышленные люди Карпунка Евсеев, Ивашка Антонов к государевой мельнице жернова сделать шестерики и за ту работу дано 8 руб.”. В 1678г. “мельнику Карпушке Герасимову великого государя денежного жалованья дано 3 руб., для того что поставил на мельнице новые жернова и сделал новое сухое колесо”, а также куплено на мельницу кричное железо.

Мельница на Кае просуществовала до 1940г., она исправно служила, конечно, ремонтируясь и усовершенствуясь, более 2,5 веков. Весной предвоенного года мельницу разрушило полой водой, и восстанавливать ее уже не стали. Она стояла на устье Каи.

Вскоре за государственной, в окрестностях Иркутска, в 1681г., была построена частная мельница. Она была поставлена на реке Иде, протекавшей недалеко от острога, и принадлежала енисейскому посадскому человеку Ивану Ушакову. Ушаков неспроста поставил мельницу вблизи острога. Возить зерно крестьянам на Каю, переправляясь каждый раз через многоводную Ангару, было тяжело. Зерно молотье крестьяне, конечно, повезли к Ушакову. Об этом прямо говорится в сметной книге Иркутска за 1681 г.: “...Как де ту мельницу укрепили и начали молотье и на ту де государеву мельницу в 189 году (1681 г. — К.П.) стороннего молота не видели: для того построил мельницу у Иркутского острогу на речке енисейской посадский человек Ивашка Ушаков и на ту де ево Ивашкову мельницу собранное молотье все возили, потому что та ивашкова мельница близко острогу, а государева мельница за Ангарою рекою от острога удалена”.

Река Ида позднее стала называться Ушаковкой. Со временем на одну плотину поставили вторую мельницу, а затем и третью. Мельницы стояли в 2-х верстах от устья реки. Они работали еще в начале 19 в., но позднее сведений о них у нас нет.

*Фотографии к статье выполнены И.Ю. Бержинским.

Для первых иркутских мельниц жернова поставлялись, как сообщает историк И.И.Козлов, из Кайской горы, выходящей на берег Иркута скальными уступами ниже устья Каи. Здесь же брался камень на строительство зданий. В частности, из кайско-го песчаника строилась в 18 в. Спасская церковь, после того, как старая церковь, деревянная, сгорела. Остатки каменоломни можно видеть и ныне. От того периода, когда хлеб мололи жерновами на водяных мельницах, остаются не только памятные места(реликты плотин на Кае и Ушаковке, каменоломня на берегу Иркута), но и остатки разрушенных мельниц. Так, в селе Усть-Балей в речке рядом с мостом стоит водяное колесо от мельницы. Здесь же сохранился искусственный пруд, видны остатки деревянного корпуса самой мельницы.

Развитие промышленности и самого Иркутска, увеличение численности населения, повышение жизненного уровня народа потребовали выпуска муки белой, сеяной. Миграция населения в города сделала выгодным строительство городских мельниц: ближе к потребителю продукции. А появление паровой машины в качестве привода сделало сельские мельницы неконкурентноспособными. Новые мельницы были уже гораздо большими: паровая машина через общую трансмиссию приводила в движение сразу несколько жерновых поставов, а также оборудование для сортирования продуктов размола. На смену жерновым поставам пришли вальцовые станки, которые были по устройству, конечно, сложнее и требовали неизмеримо большего обслуживания, но были и более производительными.

Правый берег р. Иркут ниже устья р. Кая, где в каменоломне добывали камень для мельничных жерновов и строительства

Этап развития мельниц на паровой тяге можно видеть по зданию, например, мельницы в иркутском предместье Марата, постройки 1911 г., принадлежавшей купцу Белицкому. По общему виду здания можно понять, где стояла паровая машина — по

трубе, пристроенной к стене здания, как надстраивались этажи в связи с усложнением технологии помола, общей подготовки к помолу, повышением производительности. Подобная же мельница на паровой тяге стояла некогда (до 1957 г.) на улице Бограда, в центре города, возле чаеразвесочной фабрики.

Бурное развитие промышленности в Восточной Сибири послужило предпосылкой для начала строительства Иркутского мельничного комбината № 5 в 1934 г., вступившего в строй в августе 1935 г. На месте Вознесенского монастыря в поселке Жилкино вырос современный по тем временам завод, оснащенный соответствующим технологическим оборудованием. В комплекс комбината вошли: мельница двухсортного (72%) помола производительностью 100 тонн муки в сутки, деревянный элеватор емкостью 10 тысяч тонн с зерносушилкой, ячменный завод производительностью 25 тонн в сутки перловой крупы, склады, подъездные пути и др. Мельница была оснащена новейшим оборудованием: работали 14 вальцевых станков, 9 двухкорпусных рассевов, 5 ситобеек "Реформа", центрофугалы. Длина размольной линии достигала 26 м. Привод всего технологического и транспортного оборудования осуществлялся от общей трансмиссии. Слабым местом комплекса оказалась недостаточная механизация разгрузочных работ: в складах было всего 60 погонных метров транспортеров, перемещение зерна, крупы и муки производили 75 грузчиков, использовался гужевой транспорт. Практически на мельнице в первые годы молось зерна от 100 до 200 тонн в сутки. Работала она до 1939 г. на двухсортном помоле, до 1949 г. — на трехсортном, а после этого — на улучшенном трехсортном с выходом муки до 78%.

В процессе эксплуатации комбината расширялось производство, совершенствовались технологии, увеличивался ассортимент выпускаемой продукции, механизировались трудоемкие процессы. В 1950 г. полностью было реконструировано выбойное отделение, установлены полуавтоматические весовыбойные аппараты, мешкозашийные машины, подъемники тары. В эти годы внедряется также индивидуальный привод. В 1953 г. в здании крупозавода вводится в действие гречневый цех, в 1956 г. — зерносушилка, в 1957 г. — железобетонный силкорпус элеватора емкостью 24,6 тонн в сутки, обойная секция мельницы (явившаяся первым предприятием Восточной Сибири на пневмотранспорте). Было дополнительно установлено на мельнице 3 рассева, вместо центрофугалов появились пропеллерные вымольные машины, смонтированы моечные машины, вальцевые станки заменены на новейшие. В 1957 г. было освоено производство пропаренной быстрорастваривающейся гречневой крупы. Из технологических новшеств следует отметить: совершенствовалось распределение мелющей линии и просеивающей поверхности по системам, увеличивались окружные скорости, что позволило поднять производительность комбината до 210 тонн муки в сутки в 1961 г. Аналогичные усовершенствования вводились и на мукомольном заводе в предместье Марата.

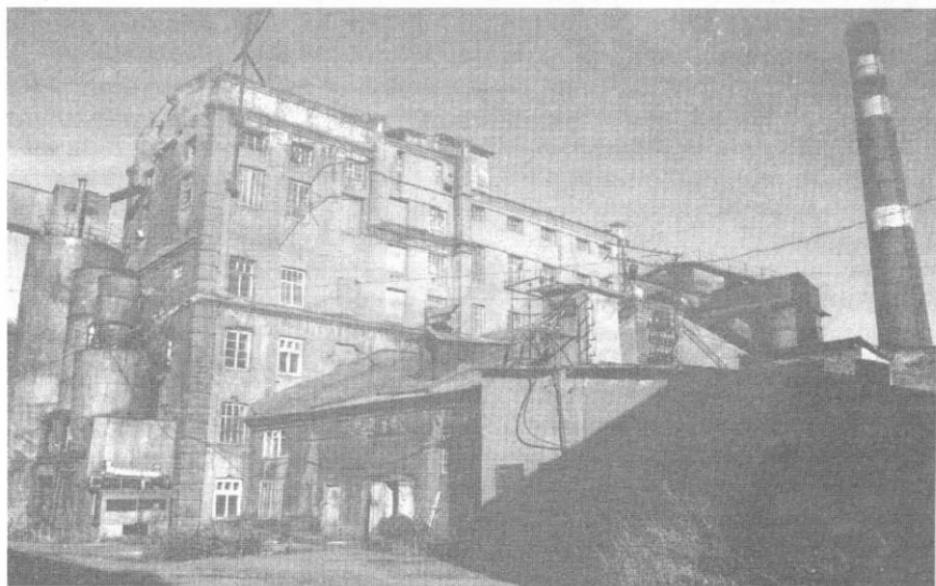
Два мельничных комплекса (№ 5 и 6) в Иркутске, как и в былые времена ушакоские мельницы, обеспечивают мукой жителей Иркутска и Иркутской области, а также далеких окраин Сибири. Мука иркутского помола идет в северные районы Сибири — в Якутию и Магадан, крупной мы снабжаем всю Сибирь от Урала до Сахалина, отправляем ее также в Монголию.

В настоящее время мы перерабатываем зерна 285-210 тонн в сутки. Но и это не удовлетворяет растущие потребности. К тому же здания комбината устарели, выполнены не в сейсмостойком варианте. Поэтому в недавнее время было принято

*Мельничное колесо мельницы Черненко в п. Усть-Балее
(конец XIX - начало XX вв.)*

решение о строительстве в Жилкино нового мельничного комплекса производительностью 500 тонн в сутки. К сожалению, начатое строительство приостановлено...

Мельница в предместье Марата (г. Иркутск)

Мукомольное дело сейчас является энерго- и материалоемким. Достаточно сказать, что потребление электроэнергии на заводе в предместье Марата составляет 18 тысяч киловатт в сутки, а на заводе в Жилкино достигает 48 тысяч киловатт. Это приводит к удорожанию муки и крупы. Тому же способствуют высокие железнодорожные тарифы. Поэтому в нашем регионе сложились высокие цены на муку, что вызвало значительную интервенцию из хлебных районов страны хотя и дешевой, но менее качественной муки...

Литература

Памятники истории и культуры Иркутска. — Иркутск, 1993.
Первое столетие Иркутска. Изд. В.П.Сукачева. — Спб., 1902.

Annotation

K. A. Ponomarenko. "We Get Flour After Having Ground the Cereal". Taltsy, vol.1 , 1997.

The first mills in the vicinity of Irkutsk were built after the wooden fort (locally called "Ostrog") had been completed in 1661. A state mill was erected on Kaya River and it was mentioned for the first time in 1673. The introduction of steam engines made the natural flow mills uncompetable. The first steam mill was built in 1911. Later the grind stones were replaced by rollers. The big flour mill factory was built in Zhilkino, suburban area of Irkutsk in 1934 in the territory of the former Vosnesen sky Monastery.

The flour mill factory of Irkutsk is now supplying flour to various districts of Irkutsk Region, Yakut - Sakha, Magadan Region and it supplies cereals to all regions of Siberia and to Mongolia.

Не все мелется...

*Анатолий Павлович Русановский,
заместитель начальника государственной
хлебной инспекции по Иркутской области*

Хлеб, о котором мы знаем почти что с пеленок и который вошел в нашу жизнь, можно сказать, под девизом “Хлеб — всему голова”, получается, как известно, из зерна. Зерно — это плод и, если хотите, дите растений. А растения, как и их дети, подвержены заболеваниям, порою очень опасным, влияющим на жизнь и здоровье человека, питающегося испеченным хлебом и сваренной крупой, животных, поедающих комбинированные корма, приготовленные из муки и дробленого зерна.

Такие заболевания зерна, как фузариоз или пьяный хлеб, вызывают токсикоз организма и ощущения, сходные с опьянением. Они обусловлены грибами рода *Fusarium*, поражающими зерно. Весьма ядовита спорынья, паразитирующая на злаковых растениях. В колосе образуются склероции (рожки), состоящие из уплотненной гребенки. Примесь их в зерне более 0,5% от массы делает муку непригодной для выпечки хлеба.

К числу опасных болезней зерна относятся также пыльная и твердая головня, паразитирующие на зерновых.

Во многом заболевания зерна предопределяются низкой агротехникой возделывания зерновых культур, а именно: несоблюдением выработанных правил обработки зерна, семян, почвы, неправильным размещением сельскохозяйственных культур и т.д. Резкое снижение уровня агротехники в последние годы привело к тому, что в ряде хозяйств области сейчас выявилось сильное поражение зерновых головневыми грибами, чего не наблюдалось почти 50 лет.

Отравление продуктами, сделанными из зерна, может произойти и в том случае, если в зерне окажутся семена таких сорняков, как плевел опьяняющий, куколь посевной и др. В семенах плевела содержится алкалоид темулин, вызывающий угнетение и паралич центральной нервной системы. Куколь опасен тем, что его семена содержат алкалоид сапонин гитагин, оказывающий сильное раздражающее действие на желудочно-кишечный тракт и могущий вызвать паралич.

Перечень вредных и опасных для здоровья людей и животных болезней далеко не ограничивается указанными примерами. Большой урон причиняют вредители хлебных запасов, к которым относятся прежде всего насекомые: мучной клещ, хрущак, мукоеды, мельничная огневка и др. Размножаясь в муке, они загрязняют ее, продукция из такой муки приобретает неприятный запах, теряет пищевые качества, становится вредной для здоровья человека. Хотя большинство этих вредителей трудно

Спорынья

В лаборатории (фото автора)

разглядеть невооруженным глазом, тем не менее они могут нанести колоссальный ущерб, если их во-время не обнаружить и не обезвредить.

То, что здесь названо, — самое страшное. Но у хлеба, в зерне и муке, должны соблюдаться и другие качества, обеспечивающие и вкус, и питательность выпеченного каравай, сдобной булки или блина и оладушки.

Так всегда ли потребители, то есть мы с вами, гарантированы от покупки недоброкачественного хлеба или муки? Нет, не всегда. В 1995 г., например, к нам в область поступали зерно и мука, качество которых не соответствовало сертификатам поставщиков, из таких стран, как Казахстан, Украина, Чехия, Словакия, Венгрия. Четыре тысячи тонн зерна и 64 тонны муки пришлось подвергнуть доработке. В 580 тоннах украинской муки качество клейковины оказалось очень низким. Двадцать вагонов муки, отправлявшейся в районы Крайнего Севера, были заражены картофельной палочкой; из такой муки хлеб получается кислым, с неприятным запахом, а через сутки вообще становится непригодным.

В 1996 г. выявлено 2178 тонн некачественных зернопродуктов. Из Калужской области завезено 62 тонны муки, пораженной картофельной палочкой; мука из Казахстана (489 тонн) была заражена клещом; мука из Казахстана, Чехии и Румынии (1201 тонна) содержала клейковину 3-й группы (из такой муки невозможно испечь доброкачественный хлеб); часть муки и зерна (426 тонн) оказалась по сортности ниже, чем это было указано в документах отправителя.

Поэтому не всякое зерно должно молотиться, не всякая мука должна идти в выпечку. И на страже интересов потребителя, покупателя хлеба или муки, призвана стоять государственная хлебная инспекция при правительстве Российской Федерации. Создано и управление инспекции по Иркутской области. Так в чем же заключается работа хлебного инспектора? Он должен отбирать пробы зерна и муки, которые анализируются в лабораториях по многим параметрам. Обнаружение чего-либо опасного вызывает полный запрет на использование и продажу зерна, муки или кру-

Эти продукты по количественным показателям к тому же должны отвечать утвержденным государственным стандартам.

Ежегодно хлебная инспекция проводит обследование зерна нового урожая, дабы выявить, сколько зерна, пригодного на продовольствие, даст российская нива. Каждая партия зерна даже одного вида имеет разные показатели по количеству и качеству клейковины, стекловидности, зольности и т.п., что определяется сроками посева и уборки, приемами агротехники.

В Иркутской области по нашим данным в последние 3 года от 60 до 80% выращенного зерна пшеницы шло в хлебопечение. И те хозяйства, которые представили нам образцы своего зерна для определения качества, получили необходимые сведения, позволяющие как можно более рационально использовать выращенный урожай. Располагая качественными характеристиками зерна, можно более выгодно его продать: разница в оплате за зерно разного качества довольно существенна. Кроме того, информация о качестве зерна позволяет составить помольные партии для наших мельниц, учитывая спрос (и цены!) на муку того или иного сорта.

Еще один аспект деятельности хлебной инспекции — выдача лицензий на деятельность предприятий и организаций с зерном и продуктами его переработки. Обязательному лицензированию подлежат производство, поставки, закупки, реализация зернопродуктов для государственных нужд (снабжение детских и лечебных учреждений, северных районов, воинских подразделений).

Главная задача хлебной инспекции, таким образом, — безопасность хлебопродуктов для жизни и здоровья людей, выпуск качественной хлебной продукции, ее сохранность и рациональное использование.

Annotation

A. P. Rusanovsky. Not Every Kind of Cereals is Ground. Taltsy, vol.1,1997.

Cereals as well as plants they are harvested from are subjected to various diseases. Such disease as phurios causes intoxication of an organism.

Dusty and hard smut is also dangerous. Many diseases are caused by the primitive agrotechnical methods of growing cereals. Weeds and insects can also spoil the crop. That is why there is a so called Bread Inspection, which protects the interests of consumers. Cereals are tested in the laboratories and if any disease is checked, the grain it is found in is not recommended for grinding.

Сибирские названия мельниц*

Верстака - мельница. “Мололи ее на верстаке” (Приир., 20в.).

Весняк - водяная мельница, работающая только весной в половодье. “А здесь весняк был” (Приир., 20в.).

Ветреник — ветряная мельница. “У нас водяных мельниц не было, все ветреники больше” (Приир., 20в.).

Ветреница — ветряк, ветряная мельница (Д., 19в.); ветряная мельница (Приир.). “И такую мельницу заводили. — А какую? — А водянку. А ветреница у нас на деревне была”, “Мельница у них была своя, ветреница” (Приир., 20в.).

Ветренка. См. ветреник. “Ветренку ставили, мололи тожить на ей” (Приир., 20в.); “Ветренка — мельница, это ветер ее крутит, и она зерно мелет” (Нов., 20в.).

Вешняк — мельница, которая мелет только весной, в высокую воду (Д., 19в.); мельница, работающая весной (Приир.); мельница, действующая только весной, во время разлива (О.). “Когда много воды, вешняк раскрывают, и вода идет. Вешняк воду держит” (Приир., 20в.); “У нас там общественна мельница была, пятнадцать пайшышковых, струб на сваях, вешняки стояли” (О., 20в.); “У нас в селе вешняк был, мельница на высокой воде” (Нов., 20в.).

Водянка — водяная мельница. “Мельницы-водянки были по всему Ишиму. На водянке лучше молоть муку”, “Вот на нашей речке четыре водянки есть”, “Раньше в каждом селе водянка-мельница была”, “Водянка круглый год работала, ветрянка неудобна”, “У нас есть и ветрянка, и водянка”, (Приир., 20в.); “А хороша мельница водянка-то, на воде работает, теперь уж таких нет”, “Это сейчас паровые, а раньше водяные, по всей гриве водянки стояли” (Нов., 20в.).

Драчка — ручная мельница, крупорушка. “Драть зерно, молоть, чтоб мука была, на эту драчку и крупу можно” (Нов., 20в.).

Дробилка — мельница, приводимая в движение электроэнергией (Нов.); мельница (Приир.). “С крыльями — это ветрянка. Сейчас в колхозе мельница дробилкой называется” (Нов., 20в.); “Почему-то у нас там не было дробилки, сами мололи хлеб, а вон в Виноградовке была там дробилка — мельница такая” (Приам., 20в.).

Жернова — домашняя ручная мельница. “Мельница эта — жернова, на жерновах врушну зерно мололи, крупу обдирали. Жернова — это станок: два камня, веретно, жабка и мелин”, “Жернова сами делали, мололи хлеб, крупу обдирали”, “Часа три жерновам молоть надо, чтобы перемолоть ведро зерна” (Приам., 20в.).

Жерновка. См. жернова. “А жернова были, такие небольшие жерновки. Яблочки там дикие мололи в жерновках. Небольшие жерновки” (Приам., 20в.).

Жерны — домашняя мельница. “Пшеницу в жернах мололи, а потом из этой муки стряпали что-нибудь” (Нов., 20в.).

Крутилка — ручная мельница. “Мы колоски собирали и на крутилке молотили” (Приир., 20в.).

Ледянка — водяная мельница, установленная зимой на льду замерзшей речки. (по Л.Н.Сабуровой, Приангарье).

* Собранные из словарей названия мельниц сопровождаются примерами простонародной речи, характерной для сибирских говоров 20в. Для сравнения использованы названия мельниц по словарю В.И. Дала.

Мельница — машинное устройство с жерновами, для меленья, молотья, измельчения сыпучих тел, особенно зернового хлеба (Д., 19в.).

Мельничонка — мельница (Илим, 20в.).

Мельничошка — мельница (Приир., Илим). “Там была копь копана, метра полтора ширины, а тут поставили мельничошку” (Приир., 20в.).

Мельня — мельница, меленка (Д., 19в.).

Мutowка — небольшая водяная мельница (Приир.); небольшая водяная мельница с горизонтальным колесом и лопатками, похожими на мutowку; мutowчатая мельница (Нов.); водяная мельница (Куз.). “Дома-то мы на жерновах мололи, а на речке мельницы строили, название было мutowки” (Приир., 20в.); “Кто умел, тот мutowки себе делал” (Нов., 20в.); “На мutowку, на мельницу, продавали жернова” (Куз., 20в.).

Мытовка — водяная мельница. “Раньше мытовка называли мельнисы” (Куз., 20в.).

Обдирка — мельница (Приир.); мельничный постав, на котором зерно перерабатывают в крупу (Куз.). “На обдирке смелют, вот и первый сорт. Обдирик не было здесь, на Иртыше были обдирки”, “Обдирик здесь не было, как вот теперь привозят, а руками толкли. У нас еще сейчас где-то эти песты” (Приир., 20в.); “Надо на обдирку съездить, крупы нарушить” (Куз., 20в.).

Рушалка - крупчатка, круподирня, крупорушка (Д., 19в.); мельница (Приир.); крупорушка (Приам.). “Зерно молоть возили на рушалку” (Приир., 20в.); “На рушалке зерно обдирали: машина така, а стары люди — на жерновах” (Приам., 20в.).

Рушилка — мельница (Приир.); мельничный постав, на котором зерно перерабатывают в крупу (Куз.). “Были рушилки. Просо рушить, пшеницу. Шкурку снимали, чистили зерно” (Приир., 20в.); “Драть зерно — рушить на рушилках”, “А крупу на рушилке драли, таки рушилки были” (Куз., 20в.).

Рушка — крупорушка. “В Константиновке рушка была, гречку рушили” (Приам., 20в.).

Тэрма** — водяная мельница. “Первую тэрму здесь русский построил много лет назад. Потом одну тэрму буряты сами сделали”, “Без тэрмы как в хозяйстве деревни? Почти в каждой деревне своя тэрма была” (Заб., 20в.).

Хлеборушка — мельница. “Были хлеборушки, мельница такая” (Нов., 20в.).

Источники

Д. — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978-1980. — Т. 1-4; Заб. — Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. — М.: Наука, 1980; Куз. — Словарь русских говоров Кузбасса. — Новосибирск, 1976; Нов. — Словарь русских говоров Новосибирской области. — Новосибирск: Наука, 1979; О. — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби. — Томск, 1964-1967. — Т. 1-3; Приам. — Словарь русских говоров Приамурья. — М.: Наука, 1983; Приир. — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. — Томск, 1993.

Публикацию подготовил С.А.Гурулев.

Annotation

Siberian Mills' Names. Taltsy, vol.1, 1997,

There is collection of wind, water and handmills names which were common in Siberian Speech in 18th-20th century. Only one of them was borrowed from the language of natives of Siberia.

** Заимствовано из бурятского тэрмэ — мельница.

Церкви Тельмы

Юрий Степанович Душкин,
историк

Из церквей, бывших на территории Усольского района Иркутской области, привлекает внимание сохранившаяся старинная Богородско-Казанская церковь в поселке Тельма, в 60-ти км от Иркутска, на левом берегу Ангары, при впадении в нее реки Большая Тельминка.

Село Тельма, 1901 г.

В 17 в. здесь стояли бурятские юрты, затем крестьяне окрестных русских деревень и заимок построили водяную мукомольную мельницу. На удобное расположение мельницы обратили внимание мастера нерчинских горных заводов, и в 18 в. по указанию Витуса Беринга здесь начали строить казенный железодельный завод, но вскоре завод по распоряжению Беринга был закрыт. Рядом с ним была основана суконная мануфактура на средства российских купцов. Мануфактуру содержали: Яков и Петр Бобровские, Иев Бестужев, иркутские купцы Михаил Васильевич Сибиряков, его дядя Алексей Афанасьевич Меньший Сибиряков и, после его смерти, сын Максим Алексеевич Сибиряков (от последнего мануфактура за долги передана в собственность казны).

Работные суконной мануфактуры, в том числе и мастеровые, прибывшие из России, были приписаны к мануфактуре. Всего приписано в 1744 г. 66 душ, в 1794 г. — 251 человек, из них 124 мужчины. Для обеспечения казенной мануфактуры и других производств рабочей силой в 1797 г. приписали еще 684 души из семей ста-

рожилов Тельминского и Биликтуйского селений. В следующем году приписали еще 900 мужчин и 350 женщин. Через год в Тельме проживало свыше 2500 человек, в том числе 1900 мужчин.

Большинство жителей Тельмы было православного вероисповедания. При мануфактуре имелась небольшая деревянная часовня, которую тельминцы посещали редко. Обычно религиозные обряды они совершали в деревянных зданиях Спасской церкви, стоявшей на Спасском острове, и в Усольской слободе.

В Тельме по инициативе верующих были собраны средства на постройку деревянной однопрестольной церкви в сумме 1187 руб. 47 коп. План и смету на строительство составил иркутский губернский архитектор Антон Иванович Лосев. За время постройки церкви с 1799 по 1802 г. израсходовано на приобретение леса, железа и на заработную плату 536 руб. 43,5 коп. В мае 1802 г. протоирей и благочинный Алексей Гаев освятил деревянное здание одноэтажной церкви, над куполом которой еще

Церковь в Тельме

фото А. Бызова (предоставлено автором)

не было главы и надколокольной крыши. Несмотря на это, храм имел привлекательный вид. С разных сторон в него вели три входа, украшенных колоннами без капителей, с фронтонами внутри. В церкви устроили хоры, к которым вели две широкие лестницы. Храм освещался четырьмя тройными венецианскими, семью полукруглыми и восемью прямыми окнами. В 1804 г. церковь сгорела. После этого к деревянной часовне пристроили алтарь и колокольню. В ноябре 1805 г. местный священник Платон Старцев освятил эту церквушку, которая не удовлетворяла запросы верующих тельминцев, они просили директора Тельминской фабрики подполковника Игнатия Ивановича Соколовского оказать помощь в построении новой каменной церкви. И Соколовский писал обращения к церковными властям (1813 г.).

Иркутский и нерчинский епископ Веннамин отправил в Тельму указ о заложении каменной церкви и грамоту для надлежащего исполнения. Иркутская духовная консистория выдала письменные виды посельщику Шепетину и пропитанному Ва-

силлию Федорову на право сбора денег на строительство церкви в Тельме и под печатами три пустых ящика.

Население Сибири внесло свои средства на строительство новой каменной церкви. В 1816 г. Соколовский представил в консисторию “зборную” книгу и выписки о приходовании и расходовании денег на строительство храма. Ревизией, проведенной экономом иеромонахом Нафоном, секретарями Ильей Виноградским и Гавриилом Бутыгиным, оказалось в приходе 46897 руб.47 коп. и в расходе 46089 руб. 98,25 коп. Соколовский просил разрешения на снятие колокола и боевых часов, “необходимых для знания по работам время и шабашей”, с деревянной церкви и установки их на каменную церковь.

17 августа 1816 г. священник Г. Громов написал прошение епископу Иркутскому, Нерчинскому и Якутскому преосвященнейшему Михаилу: “Вновь строящаяся в оной фабрике каменная церковь во имя Казанской божьей матери приведена к окончанию и к освящению состоит в готовности. Того ради покорнейше прошу Вашего Преосвященства о освящении оной наградить архипастырским благословением”. И церковь была освящена.

Г. Громов, вскоре отчитываясь о строительстве церкви, писал: “Приход и расход денег учитывался в книге как приобретенных материалов, так и на выписку из Москвы для украшения церкви золотых вещей и образов...”. При строительстве церкви употреблялось “полосовое, кровельное железо, бруски железные, биллюстр чугунный. Для украшения куполов церкви применяли золото-одинокие, золото-двойные книжки и серебро-листовые книжки...”

А. И. Лосев писал, что построена “огромная и величественная церковь каменная по проекту бывшего в той фабрике художника архитектуры Мухина”. К сожалению, сведений об авторе проекта церкви больше не сохранилось.

Современники восторженно отзывались о церкви — до того она была красивой. Так, И. Т. Калашников сообщает: “К югу от директорского дома недавно выстроена отличная каменная церковь. Огромный купол церкви, высокая колокольня и пять других небольших куполов, — вся эта масса кажется поставленною на Ионическую колоннаду, которая обходит вокруг всей церкви, будучи обнесена с верху красивою чугунною балюстрадаю. Не говоря о некоторых погрешностях, например, что колокольня сомкнута очень с главным куполом, так что почти потеряя размер в объеме церкви, и от того при всем великолепии знающий глаз все еще остается не довольным, — лучше взглянуть на доброй вкус внутренней отделки. Нельзя не удивляться простоте и важности, какая представляется во внутренности церкви. Здесь нет ни испещренных алфреско стен, ни безчисленных икон, которые не смотря на достоподобное к ним благоговение, уничтожают красивое целое, здесь во всем видно единство, один господствующий белый цвет, и все украшение состоит только в нескольких пилястрах, поддерживающих карниз, даже самый иконостас очень прост и не рассеивает внимания. Глядя на нынешнюю цену материалов, нельзя не удивляться, что на постройку здешней церкви употреблено не более 35 тысяч руб.: на выписанные из Москвы два образа, резьбу иконостаса и проч., так что самое строение церкви обошлось не более 15 тысяч рублей”.

Наряду с достоинствами, отмечали и погрешности. Так, А. Мартос пишет: “Храм сей поставлен на месте прекрасном, тотчас вправо, когда проедете мост по дороге к Иркутску. Колокольня издали делает пленительный вид, но все исчезает, когда вы подъезжаете к самому предмету. Колонны Тельминской церкви мелки, нет пропор-

ции в главной части фасада. На колокольне, как полагать надобно, из подражания католическому костелу в нашей Польше, устроены часы с музыкою”.

П.А. Словцов предсказывал: “...Сей храм по достоинству наружного чертежа и по приличию внутреннего украшения, как и последнее устройство фабрики, на долго останутся для всей Сибири единственными”.

В 1828 г. путешественник Г.А. Эрман отметил, что церковь построена “в итальянском стиле с куполом из зеленой жести”.

Позднее, в 1849 г., о церкви писал учитель Нерчинского уездного училища В.П.Першин: “...влево от тракта очень красивая каменная церковь с устроенными на колокольне часами с музыкой. Около парапета церкви поставлены алебастровы изваяния ангелов, от церковной ограды, по склону горы, устроен сад...”

Зимой в каменной церкви было холодно, поэтому прихожане посещали деревянную. В 1842 г. под полом каменной церкви построили две кирпичные печи, перебрали полы, в окна вставили рамы. В 1843 г. деревянную церковь разобрали из-за ее ветхости.

В марте 1851 г. с церкви неожиданно упал и разбился 11-пудовый колокол, и уже в октябре вместо него подняли новый 12,5-пудовый.

По внешнему виду и внутреннему оборудованию Тельминская церковь была лучшей в Иркутском округе. Ее всячески благоустраивали на церковные деньги и частные пожертвования. Так, в 1884 г. владелица Тельминской фабрики Е.В. Белоголовая пожертвовала 4 тыс. рублей на церковную ограду с железными решетками и железные створчатые ворота.

Причт Казанской церкви имел земельные дачи. По плану 1911 г. земельная дача церкви составляла более 105 десятин. Церковь имела свои весы и торговую лавку, сдаваемые в аренду, содержала дома.

В память об освобождении тельминских рабочих от крепостной зависимости рядом с церковью, на средства купцов С.А. Русанова, Б. Стрекаловского, иркутских мещан Я. Гладышева, П. Никитина и др., была выстроена каменная часовня. 30 августа 1885 г. она была освящена и наречена именем святого Александра Невского.

В настоящее время в Тельме сохранилась только одна каменная Казанская церковь, уже 180 лет украшающая своим видом старинный фабричный поселок.

Annotation

Y. S. Dushkin. Churches of Telma. Taltsy, vol.1,1997.

Buryat's felt houses were in the area in 18th century. Later russian peasants built a watermill there. In the 18th century merchants set up a clothing manufacturing mill and later a village named Telma appeared close by it. Earlier there used to be a chapel which was replaced later by a wooden church.

It was in the 19th century that a stone church was built and it impressed contemporaries with its beautiful appearance and unusual architecture Kazanskaya church in Telma can be visited nowadays.

Эволюция военного костюма иркутских казаков

*Владимир Иванович Тарасов,
преподаватель Иркутской школы искусств,
художник, историк*

В истории отечественной военной одежды особое место занимает процесс формирования военного костюма сибирских и, в частности, иркутских казаков. На протяжении 16 - первой половины 18 веков казаки, выступавшие важной, а подчас и единственной военной силой русского государства на бескрайних просторах Сибири, не имели уставного обмундирования, и этому были объективные причины.

Введение в русской армии форменной одежды началось с конца 16 в. Постепенно было унифицировано обмундирование стрелецких полков, а в 17 в. и полков иноземного строя. Наиболее мощно этот процесс усилился в Петровскую эпоху с созданием регулярных воинских соединений, получивших форменную одежду по образцу европейских армий. Долгое время эти веяния не затрагивали иррегулярные части, являвшиеся составным элементом русского войска — казачьи и ополченские полки, а также национальные формирования.

На протяжении 17-18 вв. на территории европейской России центральные власти вели активную борьбу с казачьей вольницей. Результатом этой борьбы стало полное подчинение силе государства казачьих сообществ Дона, Волги, Терека и Яика. Участию казачьих полков в военных кампаниях российской армии был придан характер обязательности и регулярности. И это определялось теперь не прихотью и пожеланиями казачьих атаманов, а приказами и распоряжениями царствующих особ. Казачьи части были введены в организационную структуру русских войск и подчинены офицерам регулярной армии.

В связи с этим возникла необходимость в создании упорядоченной системы званий и чинов в казачьих полках, в особой знаковой символике, ее отражающей. Принимаются меры к созданию казачьей униформы, призванной не только фактически, но и зрительно отрегулировать воинский строй казаков, повысить его управляемость и дисциплину.

Во второй половине 18 в. уставная форма одежды назначается для отдельных полков и команд донских и чугуевских казаков, для малороссийских пеших казачьих полков. Важной вехой в этом процессе стало установление в 1801 г. единого обмундирования для полков Войска Донского — наиболее крупного казачьего сообщества. На основе этой униформы в последующие 12 лет были регламентированы образцы уставной формы для всех казачьих формирований Европейской России и для Сибирского линейного казачьего войска, осуществлявшего охрану пограничных линий на юге Западной Сибири.

В Восточной Сибири, а также в центральных и северных районах Западной, устройство казачьих воинских групп, их численность и специфика службы сильно отличались от российских. Если в Европейской России казаки выступали как вспомогательные части, приданные регулярным войскам, то в Сибири они являлись главной полицейской силой. Служба их проходила в составе, как правило, мелких команд, направляемых для регулярного сбора ясака, разведывательных походов, строительства и охраны опорных пунктов ясачного сбора — острогов и городков. При этом потребности в униформе, как знаке, отличавшем казаков от местного коренного населения, не существовало. Своим видом, вооружением, одеждой и, особенно, поведением казаки достаточно сильно отличались от таежных и степных жителей Сибири. Сложившийся в 17-18 вв. костюм иркутских казаков был общим для всей Сибири и состоял из долгополого кафтана различного кроя и цвета, туго перепоясанного цветным тканевым или кожаным кушаком, из широких шаровар, заправленных в короткие сапоги и очень высокой шапки с меховой опушкой.

Потребность в униформе стала проявляться к концу 18 в. в связи с ростом численности русского оседлого населения Сибири. Службы сибирских казаков стали проходить в русских деревнях и растущих городах, на казенных и частных заводах, приисках и рудниках, на арестанских этапах и среди ссыльных поселенцев. Появилась необходимость выделить казаков как лиц, находящихся при исполнении государственных обязанностей, как исполнителей воли высшей власти.

Первые образцы военной униформы для казаков городовых полков и команд устанавливались губернскими и областными начальниками. Так, в 1801 г. была определена форма одежды для Верхнеудинской казачьей команды. Внешний вид команды, конечно же, имел важное представительское значение для местной власти. Достаточно отметить, что до 1824 г. форма одежды команды менялась трижды.

Созданному в 1798 г. Иркутскому шестисотенному полку первая униформа была определена только в 1813-1816 гг. В целом она соответствовала обмундированию Сибирского линейного казачьего войска и состояла из мундира образца 1812 г. синего цвета, таких же рейтуз (шароваров), черного плисового кивера с красным суконным верхом, с белым султаном, этишкетов. Погоны, воротник мундира, выпушка на обшлагах рукавов и лампасы на шароварах были красного цвета, как и околыш фуражки. Чекмень мог быть синего или темного цвета. Шинель серая, общеармейского образца. Кушак и подсумок из лакированной кожи.

В рамках реформы Сперанского, составной частью которой было переустройство казаков в Восточной Сибири, по образцу Иркутского полка были созданы городские казачьи полки. В связи с этим встал вопрос об установлении для них единого обмундирования. По просьбе генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири проект униформы рассматривался императором Александром I. В 1825 г. была установлена единая форма одежды для вновь образуемых полков. Она состояла из синего чекменя, серых шаровар, меховой шапки с суконным верхом. Цвет прикладного сукна (верх шапки, ворот и обшлага рукавов чекменя, выпушки или лампасы на шароварах) мог быть по установлению императора зеленым или голубым. Младшим урядникам предписывалось иметь на рукавах галун, старшим — еще и на воротнике. У офицеров — серебряные эполеты и темляк на саблю. Могли также сохраняться султаны и этишкеты, введенные в 1813 - 1816 гг.

Енисейский городской полк получил прикладное сукно зеленого цвета, Забайкальский, при той же единой форме одежды, — голубой. Голубой цвет прикладного

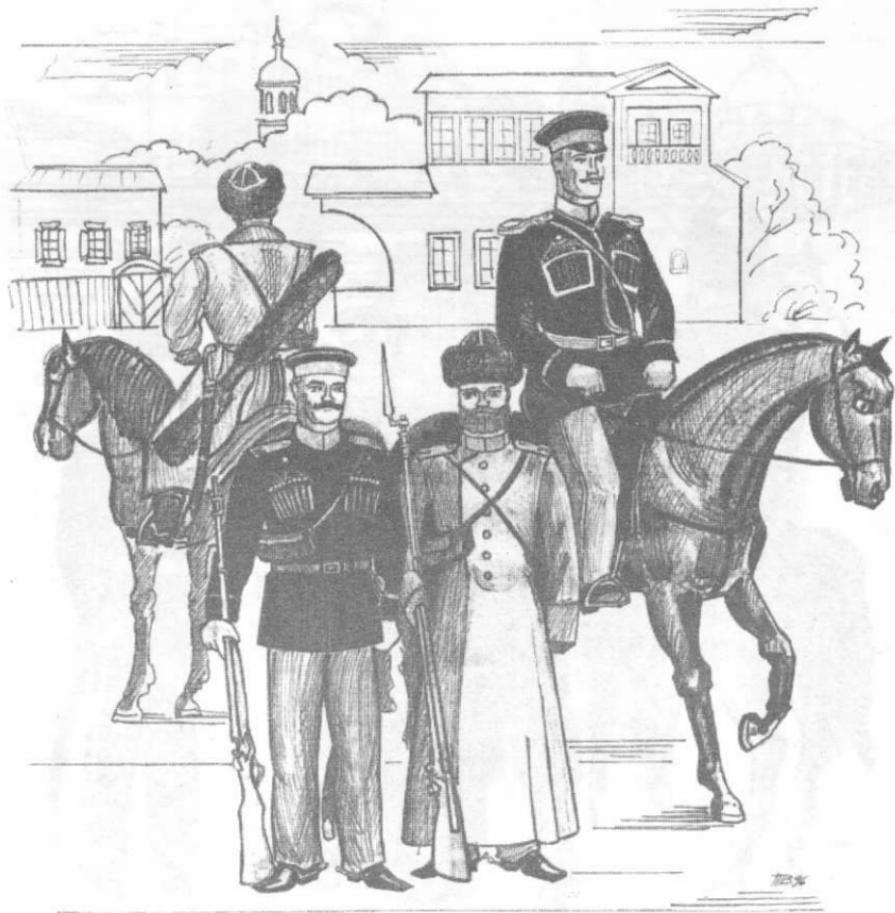
1824 г.

сукна и литеры ПКВ на погонах отмечены для Пограничного казачьего войска, получившего такое же обмундирование и устройство, как и городовые полки. Якутский городской казачий полк уставную форму одежды получил только в 1839 г. и то только для двух сотен полка, размещенных в Якутске.

Установить, какой из двух цветов прикладного сукна мог быть у Иркутского полка, пока не удалось.

Обзаведение сибирских казаков униформой было делом довольно сложным, требовавшим больших материальных затрат, так как оно осуществлялось самостоятельно и на собственные средства. А ведь кроме униформы казак должен был при выходе на службу иметь своего коня и оружие.

Относительный порядок в этом деле был наведен после передачи казачьих частей Восточной Сибири в ведение военного министерства. Была проведена полная реорганизация их устройства и управления, перевооружение на казенное оружие

1855 г.

единого образца (как огнестрельное, так и холодное), установлены новые образцы воинской одежды.

При полках были созданы команды портных и сапожников. В амуниционных полковых магазинах предписывалось иметь запас обмундирования по установленным образцам. Из полковой казны разрешалось выделять суммы на устройство обмундирования для неимущих казаков.

Обмундирование Иркутского и Енисейского конных полков и четырех конных полков Забайкальского казачьего войска, созданных в 1851 г., было единым. Красные погоны с литерами желтого сукна ИП и ЕП были установлены для Иркутского и Енисейского полков, синие погоны с литерой З и номером полка, так же желтого сукна, — для Забайкальских. Этим и ограничивались различия в форме одежды.

Воинский костюм и снаряжение конных полков в период 1851-1876 гг. во многом приблизились к обмундированию и экипировке регулярных войск. Шинели, фуражки, шаровары, галстуки, перчатки, сапоги, погоны, эполеты, темляк на шаш-

1876 г.

ку у офицеров, пистолеты и ружья — все это было общеармейского или кавалерийского образца. Чекмень, застегивавшийся на крючки, офицерский пояс серебряной тесьмы, пистолетная чужка (кобура), португеза и шашка, шнур к пистолету, седло и уздечка, нагайка — общеказачьего образца. Напатронник на чекмень казаков и офицеров, чехол на ружье и казачий патронташ построены были по образцам, принятым для драгунского его королевского высочества наследного принца Виртенбергского полка. Шапка с околышем из черного бараньего меха и круглым стеганым на вате верхом красного сукна — по образцу отдельного Кавказского корпуса. В этот период была введена офицерская кокарда, офицерские плечевые галунные погоны. С 1867 г. пистолетные чужки и шнур к пистолету прежнего образца заменены на кавалерийские, пояс серебряной тесьмы — на общеармейский шарф, для казаков и офицеров введена поясная португеза вместо плечевой, чехол на ружье заменен на

1910 г.

чехол из черного косматого войлока по образцу Кубанского войска. С 1868 г. были исключены из формы одежды шпоры, а с 1871 г. короткие сапоги заменены на сапоги солдатского образца с длинными голенищами. Тогда же в униформу введены башлыки. С этого времени казаки всегда, а офицеры при повседневной и походной форме одежды, носили шаровары, заправленные в сапоги (с чекменем и брюками навыпуск при парадно-выходной форме казачьи офицеры продолжали носить короткие сапожки).

В связи с реорганизацией русской армии в 60-70-х годах 19 в., переходом от рекрутской системы ее комплектации к общей воинской повинности правительство провело сокращение ряда казачьих частей, особенно в глубинных, удаленных от границ районах империи. Иркутский конный полк (как и Енисейский) был сокращен до одной штатной сотни и приданных ей мелких команд. В 1876 г. устанавливается новое обмундирование для полков Забайкальского казачьего войска, Иркутской

и Красноярской конных сотен (тем же указом была установлена форма одежды для Амурского казачьего войска и Уссурийских казачьих частей, минимально отличавшаяся от забайкальской). Для этих подразделений был определен темно-зеленый цвет мундирного и желтый цвет приборного сукна. Мундир и шаровары — одного цвета. По вороту офицерского мундира и обшлагам рукавов — желтые выпушки, казачий мундир — без выпушки. Шаровары с широким желтым лампасом у казаков и офицеров. На вороте офицерского мундира и на обшлагах рукавов — серебряные петлицы. Плечевые погоны желтого сукна, у офицеров — с нашивкой галуном, починам. Шифровка на погоне казаков масляной краской, на офицерском погоне — серебром. Прежняя меховая шапка заменена была на папаху нового образца. Шинель у казаков заменена на новую, с оловянными пуговицами и отложным воротником, с цветными клапанами на воротнике. На спинке шинели четыре складки от ворота, стянутые на талии клапаном с двумя пуговицами. Офицеры получили плащ серого сукна, шинель такого же кроя, пистолетный патронташ черной кожи с перемычкой серебряного галуна. Были введены новые образцы шашки, конского убора. Перчатки белого цвета у казаков должны были быть шерстяные, у офицеров — замшевые.

Изменения в казачьей униформе 80-90-х годов 19 в. были связаны с проводившейся императором Александром III реформой обмундирования российской армии. Это был период упрощения и русификации военного костюма. Царь стремился приблизить военный мундир к русскому национальному костюму. Для всех казачьих войск, кроме кавказских и гвардейских частей, был введен вместо прежних мундир “татарка”, который имел два ряда петель (для ношения с теплушкой и без нее), длину пол до колена и обшивку по верху ворота, по борту и по обшлагам рукавов желтым (для иркутских и забайкальских казаков) гарусным шнуром. Мундир застегивался справа налево и подпоясывался кушаком приборного цвета (для казаков только при парадной форме). В форму одежды и снаряжение были введены шинель нового образца без пуговиц (застежка на крючки), с разрезом сзади и вырезными обшлагами рукавов, плечевая португеза офицерская (галунная — при парадной форме, светлой кожи — при повседневной) и казачья (черной сыромятной кожи), темляк казачий (черной кожи) и офицерский, кокарда офицерская — посеребренная и казачья — мельхиоровая, патронташ казачий на 18 гнезд для патронов к винтовке Бердана — из черной парусины и офицерский — жестяной, обтянутый кожей, на 20 револьверных патронов, на галунной перемычке, утверждена папаху нового образца с меховой тульей произвольного цвета, с длинным волосом.

Летней одеждой для всех родов войск с 1860 по 1907 гг. являлись офицерский двухбортный мундир (полотняник) и белая солдатская гимнастерка. Летняя фуражка имела белый чехол на тулье и околыш по прикладному сукну.

К 1907 г. Иркутская казачья сотня была развернута до трехсотенного дивизиона. Увеличение ее численности проходило в условиях изменения взгляда правительственных и военных кругов на роль и задачи казачьих формирований. Опыт русско-японской войны показал, что казачьи соединения оказались наиболее мобильными и боеспособными частями русской армии. Стремясь увеличить количественный состав казачьих войск, правительство вынуждено было поступиться принципом самообеспечения казаков. Теперь не только продовольствие, оружие, боеприпасы, фураж, но и обеспечение казаков лошадьми субсидировалось казной. Обеспечение же обмундированием по-прежнему являлось обязанностью казаков.

В форме одежды этого времени сохраняется папаха образца 1892 г., но теперь допускается ношение папах произвольного образца, высотой 20 - 25 см, любого цвета меха, кроме белого (и черного — в военное время). Мундир вновь стал однобортным (близким к образцу 1876 г.), с выпушкой по борту. Обшлага рукавов пришитые, с мыском, вершина мыска по переднему шву рукава. На вороте и рукавах офицерского мундира — одиночные галунные петлицы, на казачьем мундире — белые петлицы. Мундир — темно-зеленого цвета, а шаровары — серо-синие с широким желтым лампасом.

На шинели теперь со спины укладывалось не четыре, а две складки. Шинель застегивалась на два крючка у левого борта. Были отменены цветные кушаки и галстуки, введена подшивка ворота мундира сукном (для казаков) и шелком (для офицеров) мундирного цвета. Офицерский шарф стали носить только при парадной форме с эполетами и папачкой. При повседневной форме — ременная португеза светлой кожи. В качестве походного мундира утвержден защитный китель единого покроя для казаков и офицеров степовых казачьих войск.

К началу первой мировой войны русская армия полностью перешла на защитную походную форму одежды. Повседневная и парадная униформа 1907 - 1910 гг. практически не использовалась.

С 1912 г. для казаков вместо походного мундира была введена косоворотка — суконная или хлопчатобумажная рубаха защитного цвета по крою прежней гимнастической рубахи. А для офицеров был определен защитный мундир из сукна по крою кителя 1907 г. (другой вариант — по образцу английского френча). Погоны на косоворотке и мундире были двухсторонними. При повседневной форме обычного цвета погон при походной форме поворачивался защитным цветом вверх.

Широкое распространение получили у казаков введенные в начале 20 в. полушубки — овчинные, дубленые, с застежкой на правую сторону, со стоячим воротом. Ворот борта и рукава офицерского полушубка оторачивались мехом. Вместо башлыка или вместе с ним мог использоваться вязаный шлем.

Форма одежды русской армии и казачьих частей в полевом варианте была полностью унифицирована, отличить казаков от других видов кавалерии в этой одежде можно было только по лампасу — широкой ленте на шароварах и по шифровке на погоне.

В сложный период революции и гражданской войны иркутские казаки, увеличившие численность своих воинских формирований до состава полка (а по некоторым данным — до трех полков) и получившие статус Иркутского казачьего войска, в целом сохраняли прежнюю форму одежды. Из нововведений можно отметить только то, что офицерские кители и казачьи гимнастерки в это время старались шить не защитного цвета, а цвета мундирного сукна. На кителе и гимнастерке нагрудные карманы обшивали желтым шнуром или обрамляли желтыми выпушками. Считалось, что это придает гвардейский вид войнам (в императорской армии такие канты на карманах были у гвардейцев).

После установления в Сибири власти адмирала Колчака иркутские казаки, как составная часть Сибирской Армии, стали носить на правом рукаве мундира бело-зеленый шеврон по цветам сибирского флага. Возможно, что они имели и бело-зеленую тканевую обшивку кокарды.

В таком виде завершилось развитие военного костюма иркутских казаков. Какое-то время обмундирование могло сохраняться в Маньчжурии, куда с окончанием гражданской войны ушли остатки казачьих полков.

В наше время возрождающиеся казачьи объединения вновь обращаются к традиционной форме одежды, видя в ней выражение преемственности своего самосознания историческому пути, пройденному их близкими и далекими предками.

Источники

Материалы Российского государственного исторического архива. Ф. 1264, оп. 1, д. 540.

Полный свод законов Российской империи. Собр. 1, т. 43; собр. 2, т. 14-51. Спб. 1830, 1840-1872.

Систематический сборник законов по Сибирскому казачьему войску. Омск, 1899.

Литература

Альбом: Корнеев Е.М. Из истории русской графики начала XIX в. — М.: Искусство, 1987.

Бегунова А.И. От кольчуги до мундира. — М.: Просвещение, 1993.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. — Чита, 1918.

Глинка В.М. Русский военный костюм XVI-начала XX в. — М.: Искусство, 1987.

Егоров И.А. Пики, шашки, шаровары, кушаки. Обмундирование степовых и кавказских казачьих войск в начале XX века. — Военно-исторический журнал, № 3, 1993.

Корнаков П. Краски войны. — Родина, № 10, 1990.

Мунгалов. Историческая справка для казаков к 300-летию существования казачьего населения в Сибири. — Иркутск, 1907.

Пестов И. Записки о Енисейской губернии Восточной Сибири. — М., 1831—1833.

Сергеев А.С. Краткая хроника Донского войска. — Военно-исторический журнал, № 3, 1990.

Annotation

V. I. Tarasov. The Evolution of Irkutsk Cossacks Military Uniform. Taltsy, vol. 1, 1997.

In the period of the 16th and beginning of 18th century cossacks didn't have any military uniform. Those were cossacks from Don river who first got their uniform according to their military charter in 1813 - 1816. It consisted of a jacket and blue trousers, black cap and red epaulettes and trousers stripes. It has radically changed later.

Ангарская деревня *

*Любовь Александровна Шевгенина,
директор Братского городского
объединенного музея*

*Владимир Михайлович Семенов,
старший научный сотрудник
архитектурно-этнографического филиала
"Ангарская деревня"*

Богатый пушной промысел (соболиный прежде всего) привлек в Восточную Сибирь в первой половине 17 в. промысловиков

Русского Севера — жителей Белоозера, Выми, Пинеги, Северной Двины, Сысолы, где охота на пушного зверя была традиционной. Часть северян оседала в посадах вокруг острогов, формируя ядро илимо-ангаро-ленских старожилов. Именно осевшими в посадах промысловиками был привнесен северо-русский облик в складывающуюся архитектуру деревень и сел по берегам больших сибирских рек. Их приемы планировки и строительства усадеб воспринимались пашенным крестьянством, служилыми и торговыми людьми, пришедшими в Сибирь в основном из центральных районов России.

С ростом посадов, а затем и ростом сел и деревень (через займки) вверх по Ангаре и Илимугу и вниз по Лене происходило слияние двух строительных традиций: архаичной северной — с рубкой в обло, когда чаша и паз рубились в бревне венца снизу, и центрально-русской — с пазом и чашей, рубленными в бревне венца сверху. Правда, следует сказать, что сохранились примеры и раннего, допосадского, существования этих строительных приемов. Так, сохранившиеся северо-западная (1648 г.) и юго-западная (1654 г.) башни Братского острога рублены соответственно в центрально-русской и северной традициях.

Удаленность от металлургических производств создавала острый дефицит железного крепежного материала, что отразилось на конструктивных особенностях отдельных элементов построек: практически все сочленения (подвижные и неподвижные) выполнены "без единого гвоздя"; распространены сращивания в замок шипом, внакладку, вилкой, с версей на пяте и пр.

Типы построек и планировка усадеб в деревнях Приангарья, как и во всей Восточной Сибири, были неизменны на протяжении столетий. И когда в период строи-

* Фотографиями статью иллюстрировал фотограф Братского объединенного музея Альфонсас Уникаускас.

тельства гидроэлектростанций на Ангаре десятки деревень сжигались или уходили под воду, естественно, что погибали самые старые, самые “кондовые” постройки. Из зоны затопления Братского водохранилища к перевозке разрешались строения со степенью износа не более 8-10%. По Братскому району был обеспечен перенос лишь 5703 усадеб личных владельцев 119 населенных пунктов. Кроме двух башен Братского острога, ни одного памятника деревянного зодчества (из нескольких тысяч потенциальных!) спасено не было. Что касается упомянутых башен, то первая, северо-западная, в 1959 году перевезена в село Коломенское под Москвой, вторая же, юго-западная, — на живописнейший мыс Пурсей, с которого открывалась панорама парадного фасада Братской ГЭС. Прилегающая к башне территория мыса стала местом паломничества не только советских и иностранных туристов, но и групп вандалов.

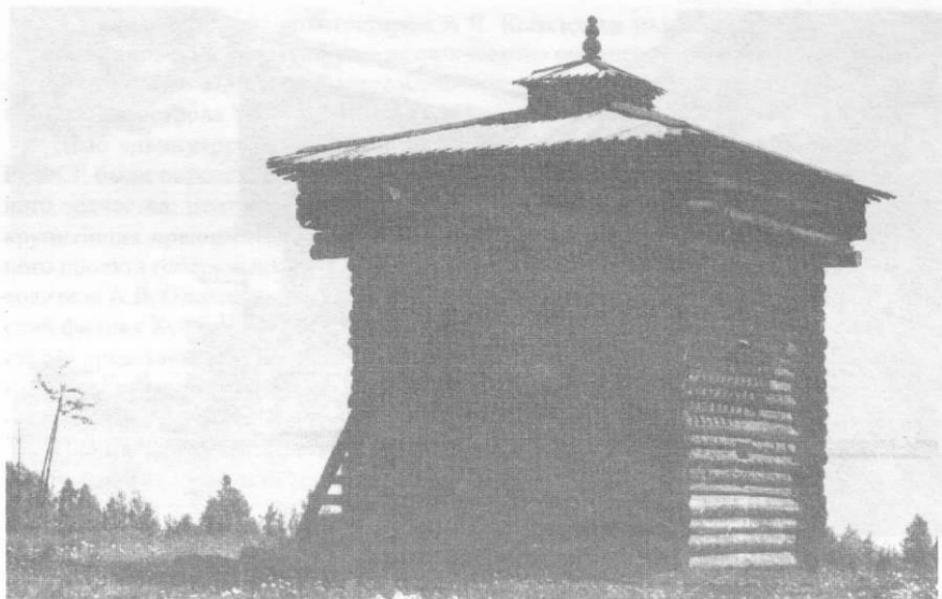
В бесхозном состоянии башня Братска Острожного долго, конечно, сохранить-ся не могла; возникла настоятельная потребность спасения ее в функционирующей архитектурно-исторической системе, где возможно было бы осуществлять контроль за состоянием памятника.

В середине 60-х годов в печати дискутируются предложения начальника управления Братскгэсстрой И.И. Наймушина о создании музея г. Братска (до этого музей существовал лишь в школе села Братск Острожный, вся экспозиция которого сейчас утрачена) и главного архитектора проекта Братской ГЭС Ю.Н. Гумбурга.

Ю.Н. Гумбург предлагал довольно эклектичный вариант застройки будущего музея с включением в архитектурно-исторический ансамбль церкви и башни из села Илимского, старинных деревянных построек, а в непосредственной близости от них — ресторан, турбазу и другие элементы инфраструктуры. В 1966 г. им был разработан и представлен “Проект схемы расположения музея г. Братска на мысе Пурсей у пос. Падун” и указаны принципиальные начала, на которых жидилась бы организация музея: “Для решения этой задачи предлагается использовать треугольник территории мыса Пурсей, где расположена башня... Братску необходим музей города, музей его строительства и, прежде всего, Братской ГЭС, где можно было бы собрать все материалы, связанные с событиями нашего времени, историей и культурой прошлого ангаро- илимского района.” К установке на мысе Пурсей предлагались “сруб башни Илимского острога и сруб бывшей церкви Казанской Божьей Матери села Илимского, а также некоторые избы и хозяйственные постройки...”

Конечно, проект Ю.Н. Гумбурга был во многом сырым и спорным. Он не учитывал специфические формы существования музеев под открытым небом, а именно: вписанность музея в ландшафт, визуальное пространство которого не должно вмещать чуждых техногенных форм, как-то: автомагистралей, линий электропередач, строений, транспортных средств; также игнорировалась необходимость определенной удаленности музея от города, что хоть в какой-то степени гарантировало бы контроль за архитектурными памятниками и их сохранность.

Ответственный секретарь Братского отделения Всесоюзного общества охраны памятников О.М.Леонов в 1971 г. выдвинул более проработанную идею будущего музейного комплекса, “который должен не только сохранить памятники старины, но и показать наглядно преемственность поколений, увековечить дважды повторенный подвиг русских людей на Ангаре — в 17 и 20 веках. Здесь можно будет узнать о древних поселениях на берегах реки, о первых ее исследователях. Узнать о месте

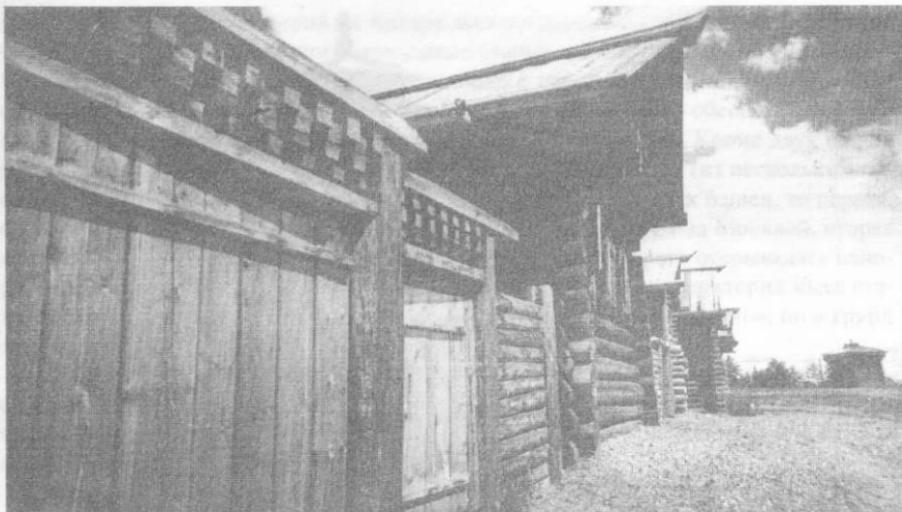
Юго-западная башня Братского острога (1654 г.)

Ангары в плане ГОЭЛРО, о творцах Братской ГЭС; увидеть портреты, вещи, документы первых строителей...”

Поскольку к началу 70-х годов под зеркалом Братского водохранилища погибли все памятники деревянного зодчества 17-19 веков, комплектование будущего архи-

Часовня-церковь Михаила Архангела из деревни Нижне-Карелино (Нижняя Тунгуска). Памятник 60-х годов 19 в.

*Крестьянские дома
Справа вдали острожная баизня*

тектурного музея предполагалось вести из населенных пунктов, подлежащих затоплению водами водохранилища строящейся Усть-Илимской ГЭС. Несколько сезонов работал Октябрь Леонов в экспедициях по фотофиксации, обмерам, маркировке и вывозу памятников из зоны затопления. Одновременно велись и спасательные работы по открытым в 1974 г. им же (а частично в 1937 г. А.П. Окладниковым) наскальным рисункам первобытного человека на Долгом пороге, неподалеку от села Дубынино.

Празднование дня святой Троицы

В середине 70-х гг. архитектором А.Я. Ковалевым разрабатывается еще один проект планировки архитектурно-исторического комплекса с сооружением гигантского памятника “Площадь Тысячелетий”, где разместились бы петроглифы Долгого порога и острова Ушканый. Однако проект этот серьезно не рассматривался.

Дело сдвинулось с мертвой точки в 1975 г., когда Министерством культуры РСФСР были определены источники финансирования для создания музея деревянного зодчества: централизованные средства при долевом участии в строительстве крупнейших предприятий города. После этого два года ушло на разработку эскизного проекта генерального плана музея. Авторская группа в составе: научного руководителя А.В. Ополовникова (г. Москва), ведущего архитектора Б. П. Чуласова (Братский филиал Художественного фонда РСФСР), И.А. Тупеева, С.С. Галая (Братскгэсстрой) представила в Государственную инспекцию по охране памятников истории и культуры готовый эскизный проект, который с небольшими поправками был согласован в ноябре 1977 г.

Площадь архитектурно-этнографического музея была определена в 40 гектаров, а место застройки перенесено с мыса Пурсей на высокий мыс, ограниченный с севера Солдатским и с юга Пионерским заливами. Расстояние от города Братска — 12 километров.

20 сентября 1979 года вышел приказ N321 Министерства культуры РСФСР “О создании музея народного деревянного зодчества “Ангарская деревня” — официальная дата рождения Архитектурно-этнографического музея на правах филиала Братского историко-краеведческого.

Так как планом предусматривалось создание экспозиции, посвященной коренным обитателям приангарской тайги — эвенкам, то параллельно с вывозкой русских построек шел поиск экспонатов и для эвенкийского сектора. Соответствующую тему разрабатывал научный сотрудник Братского музея Г.С. Уткин (им собрана уникальная коллекция зоо- и антропоморфных скульптур духов эвенкийских шама-

Церковная служба в музее

Эвенкийское стойбище

нов); позднее эвенкийский сектор пополнился хозяйственными и жилыми постройками тунгусов (автор экспозиции А.А. Павлов).

Период окончания вывозки построек из зоны затопления Усть-Илимского водохранилища к месту ремонтно- реставрационных работ совпал со временем смены городских властей, в связи с чем возникли трудности с документацией отвода земли под музей и финансированием. Долгих 6 лет потребовалось Леонову на организацию долевого участия предприятий в строительстве. За это время на местах сгорело

Кузница на летнем эвенкийском стойбище

59 объектов, в том числе единственная (возможно, во всей Восточной Сибири) изба 18 в., отапливаемая по-черному.

На восстановление утраченного (к этому времени Усть-Илимская ГЭС вступила в строй и все поселения от Братска до Усть-Илима ушли под воду) были организованы экспедиции по поиску построек для компоновки усадеб. Хозяйственные постройки, избы, объекты инфраструктуры приангарских деревень (церковь, кузница, общественный амбар-мангазея, мельница) вывозились из сел по рекам Вихорева, Лена, Тушамы, Чуна. С 1980 по 1990 гг. были перевезены на территорию музея юго-западная башня Братского острога, часовня-церковь со звонницей, кузница, мельница, амбар-мангазея; восстановлено около 20 памятников деревянного зодчества.

Каков облик “Ангарской деревни” сегодня ?

Горизонтальная планировка архитектурно-этнографического музея воплощена в одну улицу из шести усадеб, фронтом к береговой кромке водохранилища. Улицу замыкают, стоящие чуть на отшибе и на возвышении, башня Братского острога и Михайло-Архангельская церковь. Отдельно, экспозицией к задним фасадам изб, располагается общественный хлебный амбар-мангазея. На другой стороне улицы поставлен торговый купеческий амбар-склад. В некотором удалении от улицы расположены кузница и мельница. За огородами, ближе к берегу залива, стоят бани “по-черному”.

В будущем здесь будет построен причал и мостки-переходы к воде.

Михайло-Архангельская церковь полностью обустроена: резной тябловый деревянный иконостас, резное паникадило, подсвечники, царские ворота (резчик по дереву Ю. Бобурков, по эскизам Б. Чуласова); роспись иконостаса и отдельных икон (художник В. Войтишко, по разработке старшего научного сотрудника музея Е. Подскочиной); звонница с колоколами полной октавы. Между музеем и церковью подписан “Протокол о сотрудничестве в использовании памятника архитектуры XIX в. Михайло-Архангельской церкви”.

В стороне от русской деревни, в лесу, расположен эвенкийский комплекс, где посетители музея могут ознакомиться с летними и зимними стойбищами эвенков, с загонами для оленей, кузницей, шаманским чумом (рядом с которым экспонируются выполненные в дереве скульптуры зверей и рыб — непрменный атрибут шаманских камланий), с разными типами эвенкийских захоронений.

В музее, ближе к эвенкийскому сектору, устроен живой уголок пока с двумя медведями.

“Ангарская деревня” ежегодно проводит массовые праздники — День памяти старого Братска, день святой Троицы. Здесь проходят школьные выпускные вечера. Отмечающим семейные события (день рождения, свадьба и т.п.) предлагается чайная.

В перспективе “Ангарская деревня” видится как музей-заповедник с оптимальными границами охранных зон, полным штатом научных сотрудников...

Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»

принят Государственной Думой 24 апреля 1996 года.

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Сфера применения настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон определяет особенности правового положения Музейного фонда Российской Федерации, а также особенности создания и правовое положение музеев в Российской Федерации.

Настоящий Федеральный закон распространяется на все действующие и вновь создаваемые музеи в Российской Федерации.

Статья 2. Законодательство Российской Федерации о Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации

Законодательство Российской Федерации о Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации состоит из Конституции Российской Федерации, Основ законодательства Российской Федерации о культуре, настоящего Федерального закона, принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, регулирующие отношения, указанные в части первой статьи 1 настоящего Федерального закона, не могут противоречить настоящему Федеральному закону.

В случае противоречия между настоящим Федеральным законом и иным актом, принимаемым в Российской Федерации, действует настоящий Федеральный закон.

Статья 3. Основные понятия

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия и термины:

культурные ценности — предметы религиозного или светского характера, имеющие значение для истории и культуры и относящиеся к категориям, определенным в статье 7 Закона Российской Федерации “О вывозе и ввозе культурных ценностей”;

музейный предмет — культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление;

музейная коллекция — совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам;

музейный фонд — совокупность постоянно находящихся на территории Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций, гражданский обо-

рот которых допускается только с соблюдением ограничений, установленных настоящим Федеральным законом;

музей — некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций;

хранение — один из основных видов деятельности музея, предполагающий создание материальных и юридических условий, при которых обеспечивается сохранность музейного предмета и музейной коллекции;

публикация — одна из основных форм деятельности музея, предполагающая все виды представления обществу музейных предметов и музейных коллекций путем публичного показа, воспроизведения в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей.

Статья 4. Государственное регулирование в сфере музеев и Музейного фонда Российской Федерации

От имени Российской Федерации имущественные и неимущественные личные права и обязанности, а также государственный контроль в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, осуществляет федеральный орган исполнительной власти, на который Правительством Российской Федерации возложено государственное регулирование в области культуры.

От имени субъектов Российской Федерации имущественные и неимущественные личные права и обязанности, а также государственный контроль в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, осуществляют уполномоченные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, на которые возложено государственное регулирование в области культуры.

Глава II. Музейный фонд Российской Федерации

Статья 5. Музейный фонд Российской Федерации как часть культурного наследия народов Российской Федерации

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, являются неотъемлемой частью культурного наследия народов Российской Федерации.

Статья 6. Формы собственности на музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, могут находиться в государственной, муниципальной, частной или иных формах собственности.

Статья 7. Состав Музейного фонда Российской Федерации

Музейный фонд Российской Федерации состоит из государственной части Музейного фонда Российской Федерации и негосударственной части Музейного фонда Российской Федерации.

Статья 8. Включение музейных предметов и музейных коллекций в состав Музейного фонда Российской Федерации

Включение музейных предметов и музейных коллекций в состав Музейного фонда Российской Федерации производится федеральным органом исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры,

порядке, устанавливаемом положением о Музейном фонде Российской Федерации, после проведения соответствующей экспертизы.

Положение о Музейном фонде Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации.

Музейные предметы и музейные коллекции считаются включенными в состав Музейного фонда Российской Федерации со дня регистрации соответствующего факта в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации.

Собственнику музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, выдается соответствующее свидетельство.

Статья 9. Исключение музейных предметов и музейных коллекций из состава Музейного фонда Российской Федерации

Исключение музейных предметов и музейных коллекций из состава Музейного фонда Российской Федерации производится федеральным органом исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры, в порядке, устанавливаемом положением о Музейном фонде Российской Федерации, после проведения соответствующей экспертизы.

Музейные предметы и музейные коллекции считаются исключенными из состава Музейного фонда Российской Федерации со дня регистрации соответствующего факта в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации.

Статья 10. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации
Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации является учетным документом, содержащим основные сведения о каждом музейном предмете и каждой музейной коллекции, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации.

Ведение Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации осуществляется федеральным органом исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры.

Положение о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации.

Передача прав собственности и другие действия физических и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, производятся только после регистрации сделки в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации.

Статья 11. Вывоз из Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, вывозу из Российской Федерации не подлежат.

Временный вывоз данных предметов регулируется Законом Российской Федерации "О вывозе и ввозе культурных ценностей".

Статья 12. Особенности гражданского оборота музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства либо иным способом только по

специальному разрешению федерального органа исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры.

Глава III. Государственная часть Музейного фонда Российской Федерации

Статья 13. Состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации

В состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации входят музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в федеральной собственности и в собственности субъектов Российской Федерации, независимо от того, в чем владении они находятся.

Музейные предметы и музейные коллекции, приобретаемые после вступления настоящего Федерального закона в силу государственными музеями, иными государственными учреждениями за счет средств учредителей либо за счет собственных или иных средств, входят в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации.

Статья 14. Формы собственности на государственную часть Музейного фонда Российской Федерации

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, являются государственной собственностью Российской Федерации.

Порядок разграничения форм собственности на музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, устанавливается положением о Музейном фонде Российской Федерации.

Статья 15. Отчуждение музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, не подлежат отчуждению, за исключением случаев утраты, разрушения либо обмена на другие музейные предметы и музейные коллекции.

Решения об отчуждении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, в случаях, предусмотренных частью первой настоящей статьи, принимаются федеральным органом исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры.

Музейная коллекция является неделимой.

Статья 16. Управление музейными предметами и музейными коллекциями, включенными в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации

Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, закрепляются за государственными музеями, иными государственными учреждениями на праве оперативного управления.

Решения об управлении музейными предметами и музейными коллекциями, находящимися в федеральной собственности, принимаются федеральным органом исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры, в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Решения об управлении музейными предметами и музейными коллекциями, находящимися в государственной собственности субъектов Российской Федерации, принимаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на которые возложено государственное регулирование в области культуры.

Государственные музеи, иные государственные учреждения, которым переданы в оперативное управление музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, обязаны обеспечить:

физическую сохранность и безопасность музейных предметов и музейных коллекций;

ведение и сохранность учетной документации, связанной с этими музейными предметами и музейными коллекциями;

использование музейных предметов и музейных коллекций в научных, культурных, образовательных, творческо-производственных целях.

Статья 17. Государственный контроль за состоянием государственной части Музейного фонда Российской Федерации

Государственный контроль за состоянием государственной части Музейного фонда Российской Федерации осуществляют федеральный орган исполнительной власти, на который возложено государственное регулирование в области культуры, и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на которые возложено государственное регулирование в области культуры.

Государственный контроль за состоянием государственной части Музейного фонда Российской Федерации осуществляется в следующих формах:

проверка состояния сохранности и условий хранения музейных предметов и музейных коллекций;

направление запросов и получение информации о музейных предметах и музейных коллекциях, необходимой для осуществления государственного учета Музейного фонда Российской Федерации.

Статья 18. Государственная поддержка государственной части Музейного фонда Российской Федерации и государственных музеев в Российской Федерации

Правительство Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации обязаны обеспечивать финансовые и иные условия, необходимые для хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации и переданных в оперативное управление государственным музеям, иным государственным учреждениям, а также предоставлять необходимые гарантии возмещения ущерба, причиненного указанным музейным предметам и музейным коллекциям.

Правительство Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут предоставлять государственным музеям налоговые и иные льготы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут устанавливать особые формы поддержки государственных музеев в связи с необходимостью принятия дополнительных мер по сохранению уникальных историко-художественных комплексов, а также создания наиболее благоприятных условий для деятельности крупнейших государственных музеев в Российской Федерации, хранящих музейные предметы и музейные коллекции, имеющие мировое значение.

(продолжение следует)

1996 г.

Конференции

* **4-5 апреля.** Иркутск, Россия. Областная научно-практическая конференция по реализации программы “Возрождение, сохранение и развитие традиционной народной культуры в Иркутской области. 1991-1995 гг.” На пленарных и секционных заседаниях обсуждены темы:

— Научно-практические исследования народной традиционной культуры Иркутской области;

— Методическое обеспечение программы “Возрождение, сохранение и развитие народной традиционной культуры”;

— Народные праздники и обряды сегодня;

— Традиционная народная культура и дети;

— Библиотеки и музеи как опорная база реализации областной комплексной программы;

— Особенности региональных комплексных программ. Из опыта работы городских, районных органов культуры;

— Просмотр фольклорных ансамблей, музеев, домов народного творчества.

* **17-19 мая.** Бухарест, Румыния. Вторая европейская генеральная конференция этнографических музеев в рамках ИКОМ. Участвовали представители 23 стран. На пленарных и 6 круглых столов заседаниях обсуждены темы:

— Отбор и организация специалистов-этнографов для музеев;

— Восстановление и сохранение. Старые технологии и новые системы. Наиболее современные методы;

— Обмен выставками между Востоком и Западом;

— Этнографические музеи и этнические, культурные и социальные малочисленные группы;

— Сотрудничество между этнографическими музеями и профессионалами.

Сотрудничество с энтузиастами. Деятельность вне музеев;

— Этнографические музеи — это память.

* **20-26 июня.** Улан-Удэ, республика Бурятия, Российская Федерация. Международная научно-практическая конференция “Восток-Запад: диалог культур”. На пленарных и секционных заседаниях обсуждены темы:

— Тенденции развития высшего образования на пороге 21 в.;

— Документальные коммуникации в контексте информационной культуры;

— Декоративно-прикладное и изобразительное искусство Восточной Сибири в системе образования;

— Восток-Запад: взаимодействие культур — евразийский феномен;

— Философия культуры и культурологические проблемы;

— Язык, литература, фольклор: проблемы взаимодействия;

— Этносоциальные и региональные процессы в современной культуре, религиоведение;

— Искусство в контексте диалога культур;

— Выставки, музыкальные встречи, поездки в Иволгинский буддийский дацан и этнографический музей народов Забайкалья, встречи с художниками, народными мастерами и методистами, выезд на Байкал.

Conferences

* *4th-5th of April.* Irkutsk, Russia. The Regional Scientific & Practical Conference on implementing the programme of «Revival, Preservation & Development of Folk's Culture Traditions in Irkutsk Region in 1991-1995». The following issues were discussed at plenary and section's meetings:

- Scientific and practical research into traditional culture of Irkutsk Region;
- Methods worked out for the programme called «Revival, Preservation & Development of Folk's Traditional Culture»;
- Modern folk's holidays and ceremonial customs;
- Traditional folk's culture and children;
- Libraries and museums as the base for implementing the Regional Complex Programme;
- Specific details of Regional Complex Programmes. The experience of the town and district departments of culture;
- At the conference there were performances staged by folk art groups.

* *17th-19th of May.* Bucharest, Romania. The Second European Ethnography Museums General Conference within the framework of UCOM. It was attended by representatives of 23 countries. At plenary meetings and 6 round table discussions the following subjects were discussed:

- Choosing and instructing ethnography workers for museums;
- Restoration and preservation. Old technologies and new systems. Advanced methods;
- The exhibition exchange between East and West;
- Ethnographical museums and ethnic, cultural and social small groups;
- Cooperation of ethnographical museums with professionals. Cooperation with art lovers and amateurs. Other than museum activities;
- Ethnographical Museums — it is memory.

* *20th-26th of June.* Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation. The International Scientific & Practical Conference «East - West» — dialogues of cultures. At plenary and section meetings the following subjects were discussed:

- The tendency of Higher Education development at the turn of the century;
- Documentary communications in the context of information culture;
- Decorative and Applied Art in Eastern Siberia and its role in Education;
- «East - West»: the interaction of cultures — as EuroAsian phenomem;
- The philosophy of culture and culturological problems;
- Language, Literature and Folklore: problems of interaction;
- Ethnological and regional processes in modern culture, Religion;
- Art in context of dialogue of cultures;
- Within the framework of the conference there were exhibitions, musical meetings, visit of Ivolginsky Bhuddist temple called Datsan and to the Ethnographical Museum of TransBaikalia Peoples, meetings with artists, folk craftsmen and methodists, a tour to Lake Baikal.

Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. — Спб.: Наука, 1995.

В сборнике рассматриваются этнические традиции сибирских народов в экологическом аспекте: социально-экономическое и культурное развитие, жилище, транспорт, одежда, хозяйство, народное искусство и педагогика. На материалах культурного наследия коренного населения Сибири авторы статей стремятся определить этнические показатели культуры, позволившие этим народам на протяжении многих веков обеспечивать оптимальные условия существования этноса. Традиции народов Сибири образуют неповторимый культурный комплекс, являющийся ныне уникальным наследием коренного населения, с которым они входят в XXI век.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. — М.: Прогресс, 1995.

Книга представляет собой первую попытку последовательного изложения истории округа с древнейших времен до наших дней.

Байкальская Сибирь в древности: сборник научных трудов. — Иркутск: Иркутский государственный университет, 1995.

В сборнике публикуются новые материалы из поселений и могильников Байкальской Сибири хронологического охвата от каменного века до этнографической современности; реконструируются обряды захоронений, проводится типологический анализ вещевых материалов, исследуются этнокультурные связи.

Сборник предназначен для студентов, учителей, специалистов в области четвертичной геологии, археологии, этнографии, а также для всех, кто интересуется историей края.

Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). Вып. 1. — М. — Улан-Удэ, 1995.

Авторы коллективной монографии "Народы Сибири в XIX в." продолжают начатое в 1988 г. исследование, посвященное анализу численности и расселения народов Сибири в XIX в.

Коллективная работа адресована не только этнографам, но и историкам, лингвистам и практическим работникам.

Традиционная культура земли Иркутской. — Иркутск, 1996.

Настоящий сборник содержит материалы, тезисы докладов и выступлений, информации научно-практической конференции по реализации областной комплексной программы "Возрождение, сохранение и развитие традиционной народной культуры в Иркутской области. 1991-1995 гг."

Авторы публикуемых сообщений — историки, этнографы, фольклористы иркутских вузов и школ, работники музеев и библиотек, специалисты культурно-досуговых учреждений — с разных позиций (от ученых-теоретиков до специалистов-практиков) рассматривают комплекс проблем, возникающих в сложном процессе возрождения традиционной народной культуры.

Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция). Вып. 1. — Улан-Удэ, 1996. — 214 с.

В научном сборнике, подготовленном совместными усилиями ученых Бурятского научного центра и факультета культурного и природного достояния Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства, представлены основные направления комплексного исследования "Механизмы функционирования и трансляции культурного и природного достояния."

Сборник представляет интерес для специалистов в области изучения проблем истории, истории культуры, экологии: религиоведов, этнографов, фольклористов, теоретиков и практиков музейного дела и охраны памятников.

Архитектурно-этнографический музей “Тальцы” — история, современное состояние и задачи на будущее

*Владимир Викторович Тихонов,
директор музея “Тальцы”*

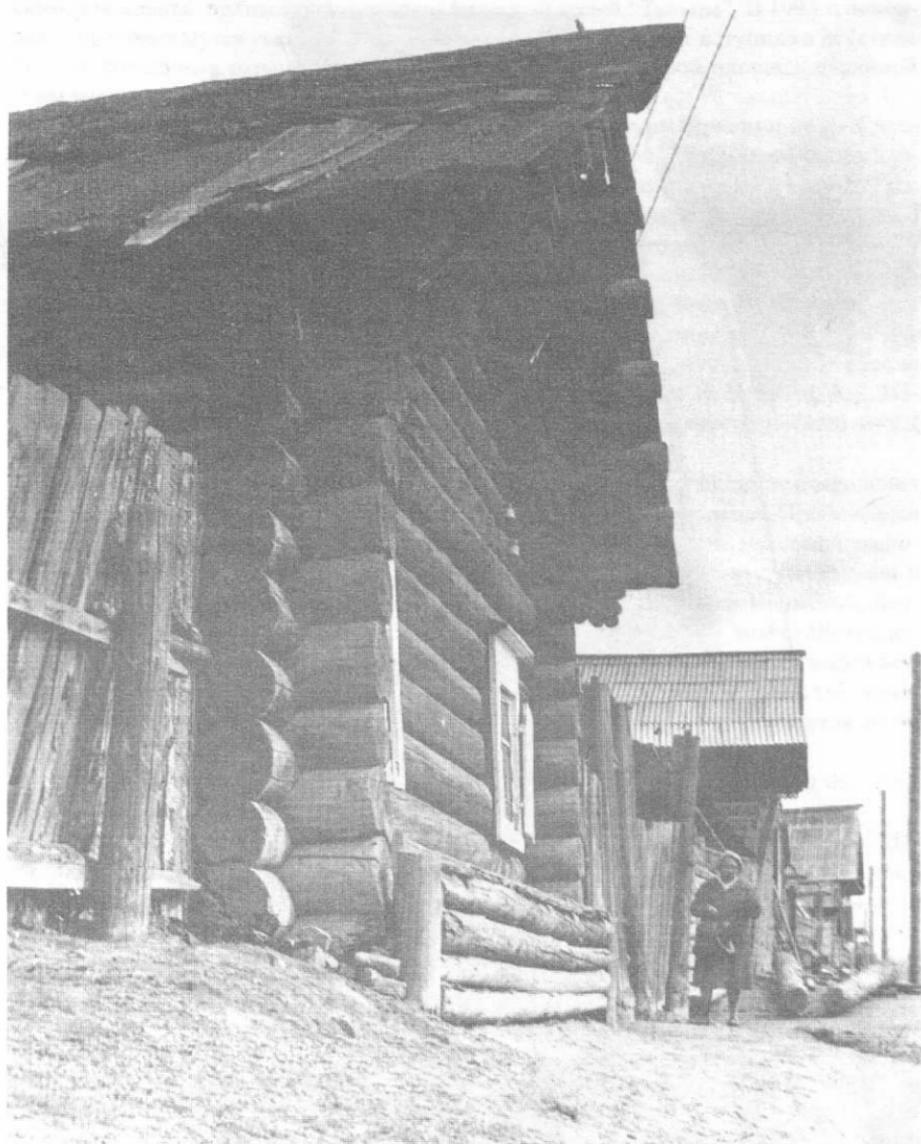
История музея “Тальцы”, отнесенного в 1995 г. указом Президента России к числу объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, началась в 60-х годах заканчивающегося века. Строительство гидроэлектростанций на Ангаре поставило в повестку дня неотложный вопрос о сохранении уникальных памятников истории и архитектуры, попадавших в зоны затопления при заполнении водохранилищ. 9 января 1966 г. Иркутский облисполком принял постановление о строительстве под Иркутском музея деревянного зодчества. После длительных поисков под музей был выбран в 1967 г. район Тальцинского урочища, на северо-западном берегу Иркутского водохранилища, на 47 км (от Иркутска) байкальского тракта, между устьями Тальцинки и Большой Речки.

Тальцинское урочище — место уникальное, с большой историей. Впервые оно упомянуто в документах начала XVIII в. Здесь в те времена находилась заимка Знаменского женского монастыря. Дальнейшая история связана с именами каргопольского купца Александра Андреевича Баранова, ставшего несколько позднее одним из правителей Русской Америки, и академика, по национальности финна, Эрика (Кирилла Густавовича) Лаксмана, путешественника, исследователя Сибири, одного из основоположников стекольного дела в России.

Лаксман и Баранов берутся за строительство стекольного завода. Иркутский наместник И.В. Якобий выделил под завод 10 десятин земли и на строительство — 20 ссыльно-поселенцев. В 1788 г. завод выдал первую продукцию: стеклянную посуду, оконное стекло. Он работал до 1956 г.

Село Тальцы, издавна существовавшее при заводе, при сооружении плотины Иркутской ГЭС попадало в зону затопления, поэтому завод был перенесен в г. Тулун, куда переехало и большинство жителей села. Часть жителей осталась в поселке Большая Речка. От некогда большого села сохранились, не попав под затопление, усадьба Трофимова и одно из четырех кладбищ. Жители села Раевские, Ивановы и Петровы перенесли свои усадьбы из зоны затопления, поселившись тут же.

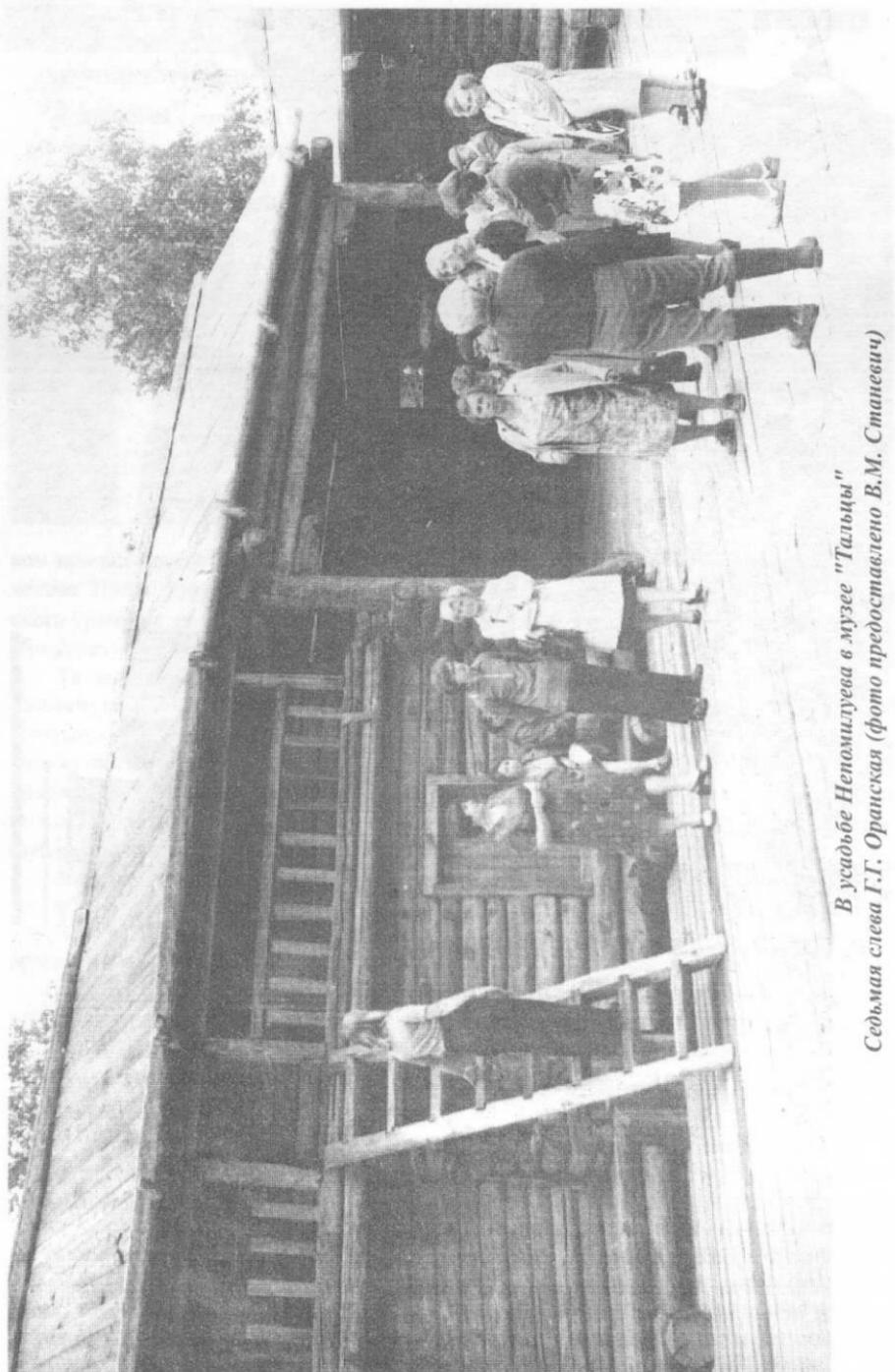
В 1968 г. начались исследовательские и изыскательские работы по музею. Проектную документацию на строительство разработал Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат (ВПНРК) Министерства культуры СССР (руководитель проектной группы Л.Н. Дмитриева, главный архитектор Г.Г. Оранская). Старааниями Галины Геннадьевны Оранской в Тальцинское урочище вновь вдохнули жизнь, теперь, надеемся, надолго. Решением Иркутского облисполкома от 6 января 1970 г. тер-

*Отбор памятников в с. Бельск Г.Г. Оранской в 1972 г.
(фото предоставлено В.М. Станевич)*

ритория площадью в 50 гектар была передана областному управлению культуры под строительство музея. В мае 1970 г. музей начал строиться как филиал областного краеведческого музея.

Первых посетителей музей принял 18 мая 1980 г. Решением Комитета по культуре администрации Иркутской области с 1 января 1994 г. музей был выделен в

*В усадьбе Непомилуева в музее "Тальцы"
Седьмая слева Г.Г. Оранская (фото предоставлено В.М. Станевич)*

самостоятельный архитектурно-этнографический музей “Тальцы”. В 1993 г. основная территория музея увеличена до 68 гектар. В феврале 1995 г. вступила в действие “Схема временных охранных зон музея “Тальцы”, по которой площадь охранной зоны музея составила 500 гектар.

Первые уникальные памятники истории и архитектуры Приангарья — Спасская проезжая башня (1667 г.) и Казанская часовня (1679 г.) Илимского острога — были вывезены из зоны затопления Усть-Илимского водохранилища. В 1969-1973 гг. из различных районов области в музей привезено несколько крестьянских усадеб — Непомилуева (18-19 вв.) из деревни Парменки Братского района, Серышева (19 в.) из деревни Зыряново и Прокопьева (19 в.) из деревни Романово Нижнеилимского района; каскад водяных мельниц из деревни Владимировка Братского района. Эти памятники послужили основой первых экспозиций создаваемого музея, ядром музейного комплекса. В создание этого ядра большие усилия, душу и энергию внесли Г.Г.Оранская, А.В. Субботин, П.И. Тугарина, В.М. Станевич, Г.Н. Куценко, А.К. Нефедьева и многие другие, а также руководители областного краеведческого музея В.В. Свинин, В.Я. Кожевников, Н.С. Струк.

Основная концепция формирования музея заключалась в принципе сохранения и возрождения элементов материальной и духовной культур народов Прибайкалья — русских, бурят, эвенков, тофов. Первоначально формирование музейной экспозиции планировалось осуществить путем создания национально-этнических зон и зон русского старожильского населения — Центральной, Ангаро-Илимской, Ленской, Мамско-Бодайбинской. В последующем в проект вносились значительные изменения. К настоящему времени общая концепция формирования музея выражается в создании этнических зон, изолированных друг от друга в пространстве, фрагментарно воссоздающих поселения прошлых веков, соблюдающих по возможности природно-ландшафтную привязку.

По объему самой большой является русская зона, состоящая из историко-культурных подзон: Ангаро-Илимской, Ленской, Трактово-подгородной.

Формирование Ангаро-Илимской подзоны завершается. Она состоит из: “Деревни-малодворки” — крестьянских усадеб Непомилуева, Серышева, Прокопьева с полной их инфраструктурой (дом, амбары, завозня, стайка, баня и т.п.); фрагмента “Волостного села” (административного центра района) — Спасской башни, Казанской часовни, волостного правления, церковно-приходской школы, крестьянских усадеб — Зарубина, Московского, Сотого,...(18-19 вв.); каскада из трех водяных мельниц; сибирского кладбища (19 в.); сенокосной заимки. В отреставрированных крестьянских усадьбах размещены постоянные экспозиции, характеризующие быт и культуру прошлого. Казанская часовня действующая, и в ней проводятся службы.

К строительству Ленской и Трактово-подгородной подзон музей еще не приступал. Для их создания уже вывезены дома-памятники, находящиеся в музее во временной сборке.

Материальная и духовная культура коренных сибирских народов отражена в формирующихся, уже частично созданных по этническому признаку зонах: бурятской, эвенкийской.

Бурятская зона в зависимости от сезонного хозяйственного цикла разделяется на улус-зимник и улус-летник. Улус-летник состоит из шести деревянных юрт, памятников 19 в., с сопутствующими им постройками. Для формирования улуса-зимника вывезены постройки, которые находятся в музее во временной сборке. В дей-

ствующих юртах размещены постоянные экспозиции: "Интерьер бурятской юрты 19 в.", "Интерьер юрты шамана", "Интерьер юрты молодой бурятской семьи".

Эвенкийская зона состоит из летнего, осеннего стойбищ и комплекса эвенкийских захоронений 19 - начала 20 вв. Экспозиция отражает годовой миграционный хозяйственный цикл эвенков, их культурную экологию. С завершением строительства зимнего стойбища зона будет полностью сформирована.

Создание тофаларской зоны находится в стадии научных изысканий и проработок.

Современная законодательная база не позволяет формировать музей за счет свободного изъятия памятников из населенных пунктов, кроме случаев реальной угрозы их уничтожения. Изъятие памятников отрывает их от естественной среды. Оно нежелательно и для населенных пунктов, ибо они утрачивают исторические и архитектурные достопримечательности. Поэтому в этих условиях дальнейшая концепция формирования музея "Тальцы" должна предусматривать, с одной стороны, максимальное использование памятников, находящихся во временной сборке, введение их в строй отреставрированных и действующих и, с другой, строительство музейной экспозиции с использованием новоделов, копирующих и воссоздающих памятники истории и архитектуры. Перед музеем и нынешним коллективом его сотрудников стоит задача сформировать истинное представление о материальной и духовной культуре прошлого народов Прибайкалья.

Annotation

V. V. Tikhonov. Taltsy - Architectural and Ethnographical Museum - History, modern situation and perspectives. Taltsy, vol.1, 1997.

The museum was declared an object of historical and cultural heritage by Russian President's Decree in 1995.

The construction of the museum started in 60th, when a question of how to preserve architectural and historical monuments was raised after the construction of the hydropower station and creating a water reservoir which was to flood area the monuments were in.

The first monuments - Saviour Tower (1667), Kazan Chapel (1679) and Ilimsk Ostrog (Wooden Fort) - were moved from the flood zone of Ust-Ilim Water reservoir. Later Siberian farmers' household were added. Nowadays the museum includes three zones: those are russian, buryat and evenk.

The construction of Toff's zone has also been planned. The concept of the museum is to maximally use the monuments being assembled and make copies of historical and architectural monuments.

Детские годы Багрова-внука

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791-1859),
писатель

...Отец мой очень любил всякие воды, особенно ключевые; а я не мог без восхищения видеть даже бегущей по улицам воды, и потому великолепные парашинские родники, которых было больше двадцати, привели меня в восторг. Некоторые родники были очень сильны и вырывались из середины горы, другие били и кипели у ее подошвы, некоторые находились на косогорах и были обделаны деревянными срубками с крышей; в срубы были вдолблены широкие липовые колоды, наполненные такой прозрачной водою, что казались пустыми; вода по всей колоде переливалась через край, падая по бокам стеклянною бахромой. Я видел, как приходили крестьянки с ведрами, оттыкали деревянный гвоздь, находившийся в конце колоды, подставляли ведро под струю воды, которая била дугой, потому что нижний конец колоды лежал высоко от земли, на больших каменных плитах (бока оврага состояли все из дикого плитняка). В одну минуту наполнялось одно ведро, а потом другое. Все родники стекали в пруд. Многие необделанные ключи текли туда же ручейками по мелким камешкам, между ними мы с отцом нашли множество прекрасных, точно как обточенных, довольно длинных, похожих на сахарные головки: эти камешки назывались чертовыми пальцами. Я увидел их в первый раз, они мне очень понравились; я набил ими свои карманы, только название их никак не мог объяснить мне отец, и я долго напедал ему вопросам: что за зверь черт, имеющий такие крепкие пальцы? Еще полный новых и приятных впечатлений, я вдруг перешел опять к новым если не так приятным, зато не менее любопытным впечатлениям: отец привел меня на мельницу, о которой я не имел никакого понятия. Пруд наполнялся родниками и был довольно глубокий; овраг перегораживала, запружая воду, широкая навозная плотина; посредине ее стояла мельничная амбарушка; в ней находился один мукомольный постав, который молот хорошо только в полую воду, впрочем, не оттого, чтобы мало было воды в пруде, как объяснил мне отец, а оттого, что вода шла везде сквозь плотину. Эта дрянная мельница показалась мне чудом искусства человеческого. Прежде всего я увидел падающую из каузной трубы струю воды прямо на водяное колесо, позеленевшее от мокроты, ворочавшееся довольно медленно, все в брызгах и пене; шум воды смешивался с каким-то другим гуденьем и шипеньем. Отец показал мне деревянный ларь, то есть ящик, широкий сверху и узенький внизу, как я увидел после, в который всыпают хлебные зерна. Потом мы сошли вниз, и я увидел вертящийся жернов и над ним дрожащий ковшик, из которого сыпались зерна, попадавшие под камень; вертясь и раздавливая зерна, жернов, окруженный лубочной обечайкой, превращал их в муку, которая сыпалась вниз по деревянной лопаточке. Заглянув сбоку, я увидел другое, так называемое сухое колесо, которое вертелось гораздо скорее водяного и, задевая какими-то кулаками за шестерню, вертело утвержденный на ней камень; амбарушка была наполнена хлебной пылью и вся дрожала, даже припрыгивала. Долго находился я в совершенном изумлении, разглядывая такие чудеса и вспоминая, что я видел что-то подобное в детских игрушках; долго простояли мы в мельничном амбаре, где какой-то старик, дряхлый и сгорбленный

которого называли засыпкой, седой и хворый, молот всякое хлебное ухвостье для посыпки господским лошадям; он был весь белый от мучной пыли; я начал было расспрашивать его, но, заметя, что он часто и задыхаясь кашлял, что привело меня в жалость, я обратился с остальными вопросами к отцу... Когда мы вышли из мельницы, то я увидел, что хлебная пыль и нас выбелила, хотя не так, как засыпку.

Поэтические воззрения славян на природу

Александр Николаевич Афанасьев (1826-1871),

историк, литературовед, исследователь фольклора

... мельница принималась за поэтическое обозначение громоносной тучи и ... именно в этом представлении кроется основа мифической связи водяного с мельницами. На каждую мельницу полагают по одному водяному, и даже более — если она имеет два и три постава: всякий водовик заведывает своим колесом, или как выражаются белоруссы: “всякий чорт на свое коло воду цягнет”. В то время, когда колесо бывает в ходу и вертится с неуловимой быстротою, водяной сидит наверху его и брызжет водою. Мельник непременно должен быть колдун и водить дружбу с нечистыми; иначе дело не пойдет на лад. Если он сумеет задобрить водяного, то мельница будет всегда в исправности и станет приносить большие барыши; напротив, если не поладит с ним, то мельница будет непрерывно останавливаться: водяной то оберет у шестерного колеса пальцы, то прососет дыру у самых вешников — и вода уйдет из пруда прежде, нежели мельник заметит эту проказу, то нагонит поводь и затопит колеса. Один мужик построил мельницу, не спросясь водяного, и за то последний вздул весною воды с такою силою, что совсем разорил постройку...

Водяной относительно мельницы является с тем же значением, с каким домовый относительно жилого дома; как ни одно жилье не может стоять без охраны усопших предков, почему и закладка его совершается на чью-либо голову, так точно со всякой новой мельницы водяной (по народному поверью) берет подать, т.е. увлекает в омут человека. При постройке мельницы достаточно положить зарок на живую тварь: свинью, корову, овцу (намек на древние жертвы) или человека, а уж водяник рано или поздно найдет свое посуленое и утопит в воде; большая мельница строится не менее, как на десять голов (Тамбовская губерния). Народ представляет водяного голым стариком, с большим одутловатым брюхом и опухшим лицом, что вполне соответствует его стихийному характеру. Вместе с этим, как все облачные духи, он — горький пьяница...

Водяные и нечистые духи любят собираться в шинках и проводить время в попойках, играя в кости и карты...

Водяные живут полными домохозяевами; в омутах, среди тростников и осоки, у них построены большие каменные палаты; у них есть свои стада лошадей, коров, овец и свиней, которых по ночам выгоняют они из вод и пасут на смежных лугах... Водовики почти всегда женаты и имеют по многу детей; женятся они на водяных девах...

Куль хлеба и его происхождения

Сергей Васильевич Максимов (1831-1901),

этнограф, писатель

Хлеб — наша русская пища.

— Хлеб да соль! — говорит коренной русский человек, приветствуя всех, кого найдет за столом и за едой.

— Хлеба кушать, — непременно отвечают ему в смысле: “Милости просим, садись с нами и ешь”. Этим приглашением доказывается наше особенное русское свойство гостеприимства, которое по этой причине и называется чаще хлебосольством. Давно уже нами выговорено: “Брось хлеб-соль на лес, пойдешь-найдешь”, то есть накорми первого встречного и незнакомого, но голодного, потому что если и тебе самому захочется и придется попросить есть, никто тебе в том не откажет. Хлеб-соль — заемное дело; хлеб хлебу брат, то есть за угощение — ответ, за любовью — оплата.

Хлебом и солью встречают и провожают русские люди всякого желанного заезжего гостя и подносят хлеб-соль дорогому, любимому человеку, которому желают доказать почтение и покорность.

— Хлеб да вода — солдатская еда! — хвастаются храбрые русские воины.

— Хлеб — всему голова! — уверяют трудолюбивые крестьяне, которые всех ближе и вернее могут судить об этом деле: крестьянин землю пашет, хлеб сеет, собирает и продает; ел бы богач деньги, кабы убогий не кормил его хлебом. Ни о чем так сильно не хлопочут, ни о чем так усердно не молятся богу простые русские люди, как о росте посеянного хлеба. Без хлеба не крестьянин. Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска. Без хлеба несытно, без него и у воды худо жить, без хлеба — смерть; хлеб — дар божий, батюшка, кормилец.

Вот что выговорил русский народ про те колосовые растения с мучнистыми зернами, которыми он питается охотнее и больше съедает всех других народов целого света. Вот какое уважение оказывают русские люди этим злакам, которых посев и жатва составляют основу всей нашей русской жизни. Давно всеми признано и доказано, что страна наша преимущественно земледельческая, а потому и самих крестьян, или мужиков, всего умнее и справедливее привыкли называть хлебопшцами. И в самом деле, нам указана для жизни на земле такая страна, где рождаются все роды хлебов: ячмень, рожь, овес, пшеница, гречиха, просо, рис и кукуруза. Поэтому, где только поселились русские люди, всегда там засеваются хлебные растения.

Там, где зима побеждает лето и холод стоит дольше тепла, то есть ближе к северным морозным странам, пшеница не устает, часто мерзнет и обманывает надежды. Господство ее ослабевает, начинают властвовать матушка-рожь, батюшка-овес и гречиха — самые любимые хлебные злаки русского народа. Область гречихи и овса короче; царство ржи тянется далеко, даже и по таким землям, над которыми трещат морозы и семь месяцев в году лежат глубокие снега. Рожь всех менее боится морозов; во время молодости переносит довольно значительный холод и прежде всех созревает. Она господствует еще там, где ячмень, наиболее способный переносить суровый климат, употребляется только на пиво, но рожь сохраняет свое место и там, где начинается полное царство ячменя. Граница ржаного царства доходит у нас до Архангельска, где на полях сеют 2/3 ячменя и 1/3 ржи: рожь, стало быть,

еще в почете. Если во всем ржаном царстве пшеничный хлеб и пироги потребляются народом только по большим праздникам, как конфетка или пряник, то на северных пределах его та же честь воздается ржаному хлебу: его едят после обеда, как пирожное, и то не каждый день, а когда имеют купленные запасы муки. В обыкновенном потреблении ячменный хлеб годен только в тот день, когда испечен, и превращается на другой день в сухой, твердый и невкусный комок, который и нож не берет. С таким хлебом, без рыбы и овощей, в тех местах беда была бы великая, да и теперь сплошь и рядом обедают там совсем без хлеба, особенно рыбаки наши на Белом море и океане. Поберегают там и яшную муку и крупу, потому что и ячмень, как ни терпелив, но слишком жестокого и сухого мороза боится, и хотя сеют его прежде ржи в холодной почве, но стараются на полях оставлять земляные глыбы для защиты семян. На Кольском полуострове и яшное царство кончается: здесь положена самая крайняя грань вместе с ним всем хлебным злакам.

Согласно этому природному делению нашей родины на три царства: пшеничное, ржаное и яшное, народ наш из всякого зернового немолотого хлеба житом, как главным жизненным подспорьем, называет в пшеничной стране на юге пшеницу, а в ржаной — рожь, величает житом ячмень по всему северному краю России. Дальше тех пределов, на которых перестает подниматься и вызревать ячмень, не растет уже ни одного хлебного злака: прозябают только мхи и лишай, и от лютых морозов трескаются и рассыпаются гранитные скалы. Не растет хлебных растений здесь, где кочуют дикие народы, которые вовсе не имеют понятия о хлебе и питаются кое-чем, а всего больше жиром морских зверей и тухлой вяленой рыбой без соли. Да в теплой полосе, в южных степях, попадаются места, пропитанные солью, наполненные солончаками, каковые почти вовсе неудобны для разведения хлебов. Однако и здесь русские люди — исконные земледельцы — пробуют в поте лица сеять хлеб.

Вот об этом-то хлебе и об этом народе, возделывающем хлебные растения и употребляющем преимущественно мучную, хлебную, крахмалистую пищу, я хочу рассказать и прошу моих рассказов послушать.

Музей «Тальцы»

3 августа 1997 г.

ПРАЗДНОВАНИЕ 330-летия СПАССКОЙ ПРОЕЗЖЕЙ БАШНИ ИЛИМСКОГО ОСТРОГА

Торжественная часть

Концерт

Гуляния

Следите за нашей рекламой!

Квас

Квас жидкий и хорошо устоявшийся, как природный российский лимонад, с пользой употребляется во всех почти болезнях привыкшими к сему напитку.

Квас наружно в гнойных и цинготных ранах полезную и целительную составляет примочку. В цинготных и гнилых болезнях квас, мятою напитанный, превосходную являет пользу.

Квасная гуща с пользой прикладываема быть может к ожегам и опаленным частям тела.

Пиво

Пиво, настоящее с полынью, с еловыми шишками, превосходное имеет крепительное свойство; производит аппетит, помогает варению пищи, восстанавливает крепость и бодрость сил, потерянных в болезни, в цинготной болезни великую приносит пользу.

Хлеб ржаной

Давно известно, сколь полезно служит к восстановлению сил ржаной хлеб сушенный, если смешать его с хорошим вином, к которому прибавляется немного сахара. Сие превосходное крепительное лекарство с великою пользою могут употреблять те, кои имеют нужду в скорейшем возобновлении сил, истощенных великими трудами, или непомерным истечением крови из ран, или от неумеренного любодействия.

Если верхнюю корку ржаного хлеба смочить теплым уксусом винным и, посыпав гвоздикою с порошком мускатно-ореховым, прикладывать к животу, то сие будет служить наилучшим лекарством от рвоты и поносу, соединенных с болью и резью в животе.

Чай

Теплый чай с лимонным соком или медом возбуждает испарину и гонит мочу. В насморке, кашле и простудных болезнях весьма полезно ставить ноги в теплую воду, отирать все тело гретьим белым уксусом и пить три чашки теплого чаю для произведения нужного и полезного испарения.

Крепкий холодный настой зеленого и черного чаю превосходно укрепляет глаза. Можно примешать к оному и несколько французской водки или виноградного вина.

Жевание сухого зеленого чаю укрощает мучительную тошноту и позыв на рвоту в беременных женщинах.

Многие люди воображают, что чай не может вредить нервам и что равное количество теплой воды было бы столько же вредно. Это несправедливо: множество таких людей, которые всякий день пьют по три или четыре чашки теплого молока, не чувствуют от этого ни малейшего вреда; однако если они выпивают такое же количество чая, то их руки трясутся целые сутки. Другое доказательство, что чай вреден нервам, есть то, что от многого употребления оного прерывается сон, приключается кружение головы, ослабевают зрение и весь человек слабеет.

О худых действиях чая много писано; они весьма многочисленны; но они являются следствием непомерного количества в приеме его и времени, в которое его принимают, нежели худых самого его свойствах. Чай ныне есть повсеместный завтрак части света, нами обитаемой; нежнейшие люди, кои, сказать мимоходом, великие питухи чаю, поутру ничего не могут пить кроме него. Ежели такие люди, пробыв десять или двенадцать часов, не вкушая ничего, выпьют пять или шесть чашек чаю, не прикуши-

вая ни кусочка хлеба, то не минуют болезни. Добрый чай, выпитый в умеренном количестве, притом не слишком горячий, ни тогда, когда желудок пуст, разве редко может обратиться во вред; но ежели он худ (что нередко случается) и пьется вместо твердой пищи, то может иметь самые худые последствия.

Главнейший вред, происходящий от великого количества какого-нибудь питья или всякой жидкости, состоит в том, что оно, так сказать, потопляет пищеварительные соки, которые через то становятся совсем недействительными; а как они суть существенные орудия пищеварения, то оно непременно притупляется, тем паче, что нет никакого питья, никакой влажности, которая могла бы их заменить, и что все, наиболее похваляемые желудкокрепительные, из коих большая часть почти всегда вредны, никогда не могут сравниться со слюною и другими отделяющимися в желудке влажностями.

Князь Парфений Енгальчев. Важнейшие наставления
о предупреждении болезней и хранении своего здоровья. —

НА ДОСУГЕ

Этнографические головоломки

Бочка

В комедии английского драматурга 18 в. Генри Филдинга “Авторский фарс” есть ремарка: “Под нежную мелодию раздвигается занавес, и мы видим богиню Ахинею, восседающую на троне, Оратора в бочке, дону Трагедию и других персонажей кукольного представления”. Вопрос: почему Оратор сидел в бочке? какому нашему понятию соответствует “бочка”?

Новый год

Даты празднования Нового года в России менялись трижды. Назовите их.

Звериные шкуры

Молодоженов раньше, встречая от венца, родители ставили на звериную шкуру; молодых супругов на масленице катали с ледяных горок тоже на звериных шкурах. Объясните, почему и зачем это делали.

Собрали О.А. Акулич и С.А. Гурулев.

Ответы на головоломки из №1.

Возраст: моему другу при рождении было зачтено, в соответствии с обычаями бурят, время его утробного развития — 9 месяцев; через месяц, в феврале, в новый год по восточному календарю ему был добавлен еще год; вот почему мой друг пошел на пенсию почти на 2 года раньше меня, хотя мы с ним родились в одно и то же время.

Одеяло: Санчо Панса был наказан путем подбрасывания на одеяле; такое наказание существовало не только в Испании, но и в старой Англии.

Чеснок: не очень усердные в молитвах мусульмане натирают чесноком себе лоб, отчего на лбу появляется темное пятно, свидетельствующее, якобы, о постоянных молитвах.

Уважаемый посетитель!

Вы только что осмотрели наш музей. Благодарим Вас за посещение музея. Убедительно просим Вас ответить на наши вопросы:

1. Понравился ли Вам в целом музей? _____

2. Что понравилось Вам особенно? _____

3. Что не понравилось Вам совсем? _____

4. Ваши пожелания музею? _____

5. Сообщите, что пожелаете, о себе _____

Просим Ваш отзыв направить нам письмом или передать любому сотруднику музея.

Наш адрес: 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2.

Музей «Тальцы»

15 июня 1997 г.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ СЛАВЯНСКОЙ ТРОИЦЫ

В подготовке праздника принимают участие:

Центр русской культуры

Национальный центр украинцев «Клэжит»

Товарищество белорусской культуры им. Я.Д. Черского

Церковная служба

Хороводы

Игры

Обрядовая трапеза

Гуляния

Следите за нашей рекламой!

Уважаемый читатель!

Вы только что прочли наш журнал. Благодарим Вас за внимание к нему. Убедительно просим Вас ответить на наши вопросы:

1. Понравился ли Вам в целом журнал? _____

2. Какие разделы понравились Вам особенно? _____

3. Какие разделы не понравились Вам совсем? _____

4. Как Вы находите оформление журнала? _____

5. Ваши пожелания журналу? _____

6. Сообщите, что пожелаете, о себе _____

Просим Ваш отзыв направить нам письмом или передать любому сотруднику музея.

Наш адрес: 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2

Музей «Тальцы»

29 июня 1997 г.

В 3/

